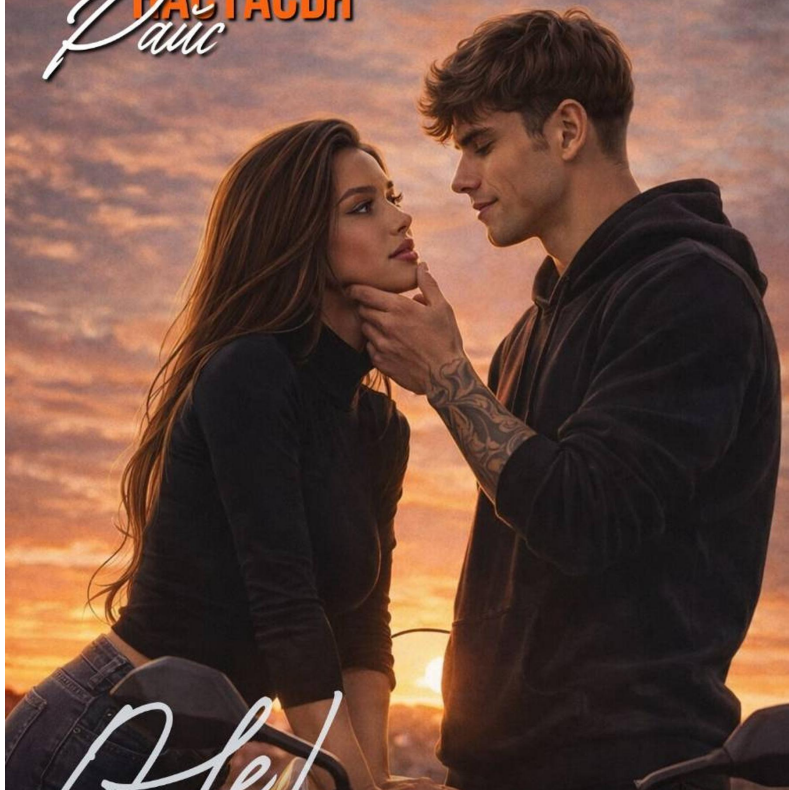

НАСТАСЬЯ
Дайс

Дей

ВЛЮБЛЯЙСЯ

В меня

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Настасья Райс (Не) влюбляйся в меня

<https://litres.ru/73531753>

SelfPub; 2026

Аннотация

Приехав домой после двухгодовой ссылки, я решила следовать простым правилам:

Не вспоминать прошлое;

Не смотреть ему в глаза слишком долго;

И никогда не оставаться с ним наедине.

Но Демид всегда играл не по правилам. А я... я всегда проигрывала в этой игре.

Теперь между нами новый участник Ян, который смотрит на меня так, будто я единственная девушка в мире. И Максим, брат, который не позволит мне быть с Демидом.

Выбор кажется очевидным. Вот только сердце предатель выбирает совсем другое.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 3.	22
Глава 4.	34
Глава 5.	41
Глава 6.	50
Глава 7.	59
Глава 8.	65
Глава 9.	71
Глава 10.	77
Глава 11.	89
Глава 12.	96
Глава 13.	104
Глава 14.	109
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Настасья Райс (Не) влюбляйся в меня

Глава 1.

*«Возвращение изгнанницы»
Арина*

Возвращение домой – это странное чувство. Особенно когда знаешь, что тебя не ждут родители. *Два года. Два долгих года меня не было здесь.* Швейцария, строгие правила, учеба – все это должно было «исправить» меня. Сделать примерной дочерью, удобной, послушной.

Но я все та же.

Аэропорт. Шум, голоса, шаги. Я стою у ленты багажа и ловлю на себе взгляды. Знакомый, но уже чужой город. Мой чемодан появляется одним из последних, будто тоже не торопится возвращаться. Я резко дергаю его за ручку, колеса скрипят по полу. В кармане джинсов вибрирует телефон – Макс.

Макс

Встречаю у выхода.
Не задерживайся

Единственный по кому я соскучилась из родни, это Максимум. Он прилетал ко мне за два года четыре раза. Это чертовски мало, но, если бы не отец и его рвение передать сыну бизнес, уверена, брат прилетал бы чаще.

Выхожу из зоны прилета и сразу вижу Макса. Он стоит, прислонившись к черному «Мерседесу», в темных очках и идеально отутюженной рубашке. Бизнесмен даже в тридцать

градусов жары. Влился в эту роль на отлично.

Горячий воздух обжигает кожу, пока иду к брату. Макс уже снимает очки, и в его глазах – смесь усталости и радости.

– Ну что, беглянка. – Он делает шаг вперед и резко обнимает меня так, что у меня перехватывает дыхание. – Полгода мы не виделись, а ты даже не выросла.

Я фыркаю, уткнувшись носом в его плечо, пахнущее родным человеком.

– Зато ты стал еще более невыносимым. *Босс в костюме*. – Дергаю его за рукав, отстраняюсь, но не до конца.

– Это называется «деловой стиль», сестренка. А невыносимая – это ты. До сих пор.

Брат хватает мой чемодан и швыряет в багажник с такой легкостью, будто он пустой. Я закатываю глаза – типичный Макс, всегда показывает, какой сильный.

– Родители ждут дома? – спрашиваю я, в надежде, что они готовятся к моему приезду.

За все это время мы практически не общались. Мама застилала глубокую обиду, что я опозорила нашу фамилию, а отец... Отец пляшет под ее дудку.

– Улетели в Монако. Встречать тебя было неудобно в их графике.

– Ах да. – Делаю вид, что это меня не задевает. – Я же забыла, что у нас в семье главное – это вовремя подписанные контракты.

Мы садимся в машину, и я с облегчением опускаю стекло

– пусть хоть горячий ветер выдует из головы эту обиду.

– Они даже не дождались, – говорю, глядя, как аэропорт растворяется за поворотом.

Макс не отвечает, только сжимает руль. Его пальцы белеют на коже. Значит, злится. Но не на меня.

– У них был рейс в шесть утра, – наконец, бросает он. – Бизнес.

– Всегда бизнес.

Я откидываю голову на подголовник. Два года не видела этот город, а он будто и не заметил моего отсутствия. Те же рекламные щиты, те же пробки. Только деревья стали выше.

Коттеджный поселок встречает нас высоким забором и камерами на каждом столбе. Ворота медленно раздвигаются от нажатия кнопки на пульте.

– Новые, – замечаю, глядя на черную будку.

– После ограбления у Зиминых сменили охранную систему и агентство.

Я фыркаю. Так им и надо, ведь из-за их дочери меня отравили в «ссылку». Ладно, не хочу об этом думать.

Дома тут как картинки из глянцевого журнала. Безупречные фасады, идеальные газоны, подстриженные до миллиметра. У кого-то во дворе бьют фонтаны, у кого-то стоят коллекционные «Феррари» под открытым небом – смотрите, мол, мы можем себе позволить, чтобы они пылились без гаража.

Наш дом – в глубине, за поворотом с клумбой роз, кото-

рые пахнут так сильно, что аж тошнит. Трехэтажный, с колоннами и панорамными окнами. Мать всегда любила выставлять богатство напоказ.

Макс глушит двигатель, и на секунду воцаряется тишина.

Но внезапно, словно из ниоткуда, в открытом окне появляется лицо того, кого бы я не хотела видеть еще примерно целую вечность.

Демид.

Парень, сломавший и изменивший мою жизнь, и по совместительству лучший друг Максима. А теперь он стоит, облокотившись на дверцу машины, с той же вызывающей ухмылкой.

– Какие люди, – тянет он, а я открываю дверь и толкаю прямо на него, отчего он отшатывается. – Ну что, Ариша, снова среди смертных? – игнорирует мои действия, продолжая издеваться.

Возле него три местные девчонки, с которыми мы дежурно здороваемся. Они младше меня, а уж Демида и подавно. Прошло два года, а он не перестал быть все тем же бабником.

Хотя сам он изменился. Раньше был просто симпатичным – теперь же выглядит не просто хорошо, а чертовски хорошо. Высокий, еще более атлетичный, чем раньше – широкие плечи, четкий рельеф мышц, проступающий даже сквозь футболку. Руки разукрашены черными узорами. Он был с татуировками, а сейчас их стало еще больше. Темные волосы слегка растрепаны, будто он только что вышел из душа или

с чьей-то постели. А эти серые глаза – холодные, насмешливые, с тем самым вызывающим блеском, который сводил с ума всех девчонок.

– Как жаль, что за два года ты так и не научился хорошим манерам.

– Ой, а мне вот жаль, что ты так и не научилась шутить, – парирует он, лениво отталкиваясь от машины. – Или улыбаться. Или вообще хоть как-то радоваться жизни.

Я оборачиваюсь, недовольно сверлю его взглядом:

– А ты, как я вижу, радуешься за всех нас. Одновременно, – киваю на его «свиту».

Одна из девушек недовольно надувает губы, но Демид только смеется:

– Ревнуешь?

– Мечтай.

Макс, до этого молча наблюдавший за нашей перепалкой, наконец, вмешивается:

– Дем, отвали. Она только прилетела.

– Ну вот, Максик за тебя вступился. – Демид делает преувеличенно-трогательное лицо. – Как же трогательно. Прямо как в детстве, помнишь?

– Придурок!

– О, а вот и старый добрый твой характер. – Он делает шаг ближе. – Я уж думал, в Швейцарии тебя от него отучили.

Молчу, испепеляя его взглядом, и сдерживаюсь, чтобы не испортить первый день. Потому что, если и дальше открою

рот, никто не сможет остановить нашу битву.

Закатываю глаза и прохожу мимо, заходя на территорию двора. Максим следом заходит, спустя несколько минут, с чемоданом, оставив машину на улице.

– Ну, – он поворачивается ко мне, – добро пожаловать домой, сестренка.

Я смотрю на парадную дверь с витражным стеклом. Внутри – холодный мрамор, хрустальные люстры и портреты нашей «идеальной» семьи.

– Вечером в честь твоего приезда вечеринка. Соня уже вовсю порхает над организацией. – Кивает брат на вышедшую из дома мою лучшую подругу.

– Ну наконец-то! – Соня буквально взлетает по ступенькам крыльца, ее каблуки цокают по мрамору, а ярко-розовое платье развевается на ветру.

Я едва успеваю осознать, что эта фурия бежит ко мне, как она уже обнимает так крепко, что у меня снова перехватывает дыхание.

– Год! Целый год, ты понимаешь?! – Она отстраняется, хватая меня за лицо и трясет, будто проверяя, настоящая ли я. – Ты вообще не изменилась! Ну, кроме того, что стала еще красивее, стерва.

– А ты все та же драматичная белка, – смеюсь я, отбиваясь от ее рук. – И почему у тебя всегда маникюр, как у рок-звезды?

Соня закатывает глаза и тут же хватается за мою руку, таща

в дом.

– Не отвлекайся! Ты пропустила миллион событий, и я обязана тебе все рассказать, пока Макс не утащил тебя на свою скучную бизнес-лекцию.

Макс фыркает и ставит мой чемодан возле двери:

– Я всего лишь хотел напомнить, что завтра утром встреча с родителями по видеосвязи.

– О боже, да хватит уже! – Соня машет рукой, будто отмахиваясь от назойливой мухи. – Сегодня вечеринка, а значит, никаких дел, никаких звонков, только мы, танцы и мои безумные коктейли. – Она подмигивает, а я не могу сдержать улыбку.

– Ты все также ужасна.

– Зато честна, – смеется она.

Мы заходим в дом, и Соня тут же начинает показывать, что она тут успела устроить: гирлянды, бар на террасе, даже какой-то фонтан с шампанским – явно ее рук дело.

– Ты сошла с ума, – говорю я, осматривая это безумие.

– Ну конечно! – Она хватается за бокал, наливает что-то розовое и шипучее и сует один мне. – За нас! За то, что ты, наконец, дома. И за то, что сегодня будет эпично.

Бокалы звонко сталкиваются. Макс качает головой, но в уголках его губ прячется улыбка.

– Ладно, я по делам смотаюсь, – говорит он. – А вы... постарайтесь не спалить дом до моего возвращения. И не напиться в хлам, вечеринка вечером, а сейчас и полудня нет.

– Никаких обещаний! – кричит ему вслед Соня, а я просто смеюсь, наконец чувствуя, что действительно вернулась.

Не в этот холодный, идеальный дом. А туда, где меня хоть кто-то ждал.

Глава 2

.

*«Мекры у бассейна»
Арина*

Я стою перед зеркалом, критически осматривая каждый сантиметр своего отражения. Черный слитный купальник облегает фигуру как вторая кожа, глубокие разрезы на груди и спине придают дерзости. Шелковая рубашка скользит по коже, открывая больше, чем скрывая. Шорты такие короткие, что в Швейцарии меня бы за них точно отчислили.

– О боже, да ты просто грех в золотых босоножках! – Соня

врывается в комнату, размахивая плойкой как микрофоном. В ее руке бокал шампанского пенится, угрожая разлиться на пол. – Парни будут слюни пускать.

– Мне плевать, – ворчу я, но все же поправляю прядь волос.

– Врешь хуже, чем политик перед выборами, – смеется она и брызгает на меня духами. – Ладно, мисс «Мне-плевать», пошли! Твои фанаты уже томятся в ожидании.

Мы спускаемся к бассейну, где уже играет музыка, мерцают гирлянды, а бар ломится от коктейлей. Первым нас замечает Макс – он только что приехал, все в том же безупречном костюме, но уже с расстегнутым воротником.

– Сестренка. – брат обнимает меня, слегка приподнимая от земли. – Выглядишь опасно.

– Так и задумано, – улыбаюсь я.

– Только без драк сегодня, ладно? – Он бросает взгляд в сторону ворот, откуда может появиться Карина Зимина.

Но, надеюсь, она пропустит мой приезд, хотя, думаю, не упустит возможности прийти и позлить меня.

– Никаких обещаний, – отвечаю я, а Соня хихикает.

Постепенно подтягиваются друзья – те, с кем я общалась до отъезда. Обнимаемся, смеемся, вспоминаем старые проделки. Кто-то уже прыгает в бассейн, кто-то танцует у барной стойки.

И тут...

– Ну что, народ, король вечеринок прибыл!

Голос. Его голос.

Демид входит, как будто это его личная премьера. Белые бриджи, черная рубашка нараспашку, открывающая идеальный пресс, мокрые от воды волосы – будто он специально готовился выглядеть так... *раздражающе* идеально.

Он ловит мой взгляд, медленно идет к нам и ухмыляется.

– Ариш, наконец-то, сменила школьную форму на что-то адекватное? – говорит он издеваясь.

– А ты, как вижу, все еще носишь рубашки на три размера меньше, чтобы все видели, как усердно качаешься, – парирую я.

Он подходит ближе, и его серые глаза сверкают в свете гирлянд.

– Зато работает, да? – он нарочито медленно оглядывает меня с ног до головы, и я чувствую, как по спине бегут мурашки.

– Знаешь, Демид, за два года ты мог бы придумать что-то пооригинальнее, – говорю я, закатив глаза.

– А зачем? Старое – проверенное. – Он пожимает плечами и приближается еще ближе, остановившись в нескольких сантиметрах от меня. И мне приходится запрокинуть голову из-за внушительной разницы в росте.

– Может, лучше пойдешь развлекать своих фанаток? – Киваю я на девушек у бассейна, которые явно ждут его внимания.

– А может, мне здесь интереснее? – Наклоняется непоз-

волительно близко, и я чувствую его дыхание на своих губах.

Соня тут же вклинивается между нами, протягивая нам по бокалу.

– Хватит меряться... Ну, чем бы вы там не мерялись. Пейте и расслабьтесь, ради всего святого!

Демид берет бокал и ловит мой взгляд:

– Ну что, Ариша, перемирие?

Я прищуриваюсь. Мы с Демидом – как спички и бензин. Ничего хорошего из этого не выйдет. Мы не можем нормально общаться. Это просто невозможно. И либо мы спалим этот дом к чертям, или... К черту это «или».

– Ни за что, – отвечаю, но бокал все же беру.

Вечеринка только начинается.

– Арина, покажешь класс? – Соня подмигивает и тянет меня на импровизированный танцпол у бассейна.

Шампанское взрывается на языке миллионом игристых пузырьков, а бас тяжелого бита врезается прямо в грудную клетку, заставляя сердце бешено колотиться. Я запрокидываю голову, позволяя ритму овладеть моим телом. Бедра рисуют соблазнительные восьмерки, пальцы скользят по шелковистой коже обнаженной талии, влажные от брызг волосы прилипают к загорелым плечам.

– Так-то лучше! – кричит Соня, кружась рядом. Ее розовое бикини сверкает, как драгоценный камень в свете гирлянд, а смех звенит, как хрустальный колокольчик.

Я лишь томно улыбаюсь в ответ, как вдруг... кожу об-

жигает чей-то взгляд. Горячий, пронизывающий, будто физическое прикосновение раскаленного металла. Оборачиваюсь и оказываюсь, что это... *Демид*. Он стоит у бара, непринужденно облокотившись о стойку, но его поза обманчиво расслаблена – пальцы судорожно сжимают бокал с виски, а взгляд... Боже, этот взгляд! Серые глаза горят, как сталь в горне кузницы, когда он медленно, с ног до головы, оглядывает меня. Но стоит нашим взглядам встретиться – он демонстративно поворачивается к какой-то платиновой блондинке, нарочито близко что-то ей шепча на ухо.

Музыка сменяется, и я решаюсь пойти к друзьям, посидеть и выпить. Предлагаю Соне, но она отказывается, отвечая, что подойдет попозже.

Я отхожу от танцпола, чувствуя, как горячий воздух смешивается с прохладой, исходящей от бассейна. Ноги сами несут меня к шезлонгам, где расположились друзья.

– Арина! Наконец-то! – Костя первым замечает меня и поднимает бокал. – Два года в Швейцарии – и ты теперь, наверное, умеешь делать эти... как их... фондю?

Я смеюсь, плюхаясь на свободный шезлонг:

– Фондю – это из серии «как удивить гостей, если ты никогда не готовил». На самом деле, там больше сыра, шоколада и скучных правил, чем можно представить.

– Ну и как тебе местные? – подключается Лера, поправляя ободок на голове. – Все такие же чопорные, как и в кино?

– Не все. – Я делаю глоток коктейля, который кто-то тут

же подsunул мне в руки. – Но, если честно, после наших вечеринок их «бурные» выходные кажутся тихим чаепитием у бабушки.

Все смеются, и на секунду мне кажется, что я и не уезжала. Та же компания, те же шутки. Только вот что-то внутри все равно не на своем месте.

– Ариша, – раздается голос Макса. Я оборачиваюсь и вижу, как он подходит с каким-то парнем. – Знакомься, это Павлов Ян. Он с семьей переехал сюда около года назад, и мы работаем над одним проектом.

Парень с легкой улыбкой делает шаг вперед. Высокий, но не такой мощный, как Макс или Демид. Он в простой белой рубашке с закатанными рукавами, открывающими татуировку на предплечье – какие-то цифры и крылья, и темных шортах. Никакого пафоса, только легкая небрежность в стиле.

– Привет, – он кивает. – Макс много рассказывал. – Протягивает руку, и я замечаю шрам через костяшки пальцев.

– Надеюсь, только хорошее, – улыбаюсь я, оценивающе изучая его, но вкладываю свою ладонь в его. Рука твердая, теплая, с мелкими шершавыми мозолями.

– Зависит от того, что ты считаешь хорошим, – Ян усмеяется, и в его глазах появляются веселые искорки. – Если про то, как ты в десять лет заперла Макса на балконе на три часа – то да.

– О, это было прекрасно! – хохочу я. – Он орал как резаный, пока мама не приехала.

– Я до сих пор тебе этого не простил, – фыркает Макс, но в его глазах теплится улыбка.

– Ты просто не смог признать, что проиграл девочке, – дразню я.

Ян смеется, и его смех приятный, легкий, без той ядовитой насмешливости, к которой я привыкла.

– Ян в прошлом году выиграл чемпионат по смешанным единоборствам, – не без гордости сообщает Макс, переводя тему с себя на друга.

– А теперь занимаюсь более цивилизованным видом спорта – бизнесом. – Ян усмехается, и в его взгляде появляется что-то... опасное. В хорошем смысле.

– Ну, если называть твой стиль ведения переговоров «цивилизованным», – хмыкает Макс.

– Теперь мне страшно спрашивать детали, – удивляюсь, поднимая бровь.

Ян вдруг наклоняется ко мне, понижая голос:

– Твой брат преувеличивает. Я всего лишь однажды...

Но его слова тонут в громком всплеске воды – кто-то с разбегу прыгнул в бассейн. Я машинально оборачиваюсь и замечаю Демида, который только что вынырнул, откидывая мокрые волосы. Его взгляд сразу находит меня... и Яна, который все еще стоит слишком близко.

Что-то темное мелькает в серых глазах, но он тут же поворачивается к своей компании, громко смеясь над чьей-то шуткой.

– Так о чем это я? – Ян отвлекает мое внимание.

– О том, как ты цивилизованно кого-то победил, – улыбаюсь я.

– Ах да. Я всего лишь поставил одного наглеца на место. Цивилизованно. – Он делает глоток из своего бокала, и я замечаю, как мышцы его предплечья играют под кожей.

– Он сломал тому парню нос, – Макс качает головой.

– Но очень цивилизованно! – смеюсь я, и Ян подмигивает мне в ответ.

В этот момент Соня, наконец, подходит к нашей компании, по ее коже стекает вода с волос.

– О, опоздавший! – Она оценивающе оглядывает Яна. – Арина, ты бы предупредила, что у нас тут такое... внушительное пополнение.

Ян вежливо улыбается Соне, но его взгляд – теплый, с хитринкой – снова скользит ко мне. В его глазах читается неподдельный интерес, и это заставляет мое сердце биться чуть быстрее.

– Внушительное – это про мой характер, ты же знаешь, – шутит Ян, отхлебывая коктейль. – А так я вполне безобидный.

– Ой, да? – Соня поднимает бровь и бросает на меня многозначительный взгляд. – Арина, что-то мне подсказывает, что тебе стоит проверить, насколько он «безобидный».

Я фыркаю, но чувствую, как по щекам разливается тепло.

– Может, попозже, – улыбаюсь я, ловя на себе взгляд Яна.

В этот момент из бассейна вылезает Демид – мокрый, с каплями, стекающими по рельефному прессу. Он отбрасывает волосы со лба и медленно идет в нашу сторону. Серые глаза, обычно насмешливые, теперь темные, как грозовая туча.

– Ну что, компания пополняется? – Его голос звучит спокойно, но в нем явно слышится сталь.

– Демид, это же Ян, – Макс слегка настораживается, чувствуя напряжение в воздухе.

– Конечно. – Демид останавливается в метре от нас, его взгляд скользит от меня к Яну, затем к Максиму, и обратно. – Просто не ожидал, что он так быстро... вольется в компанию.

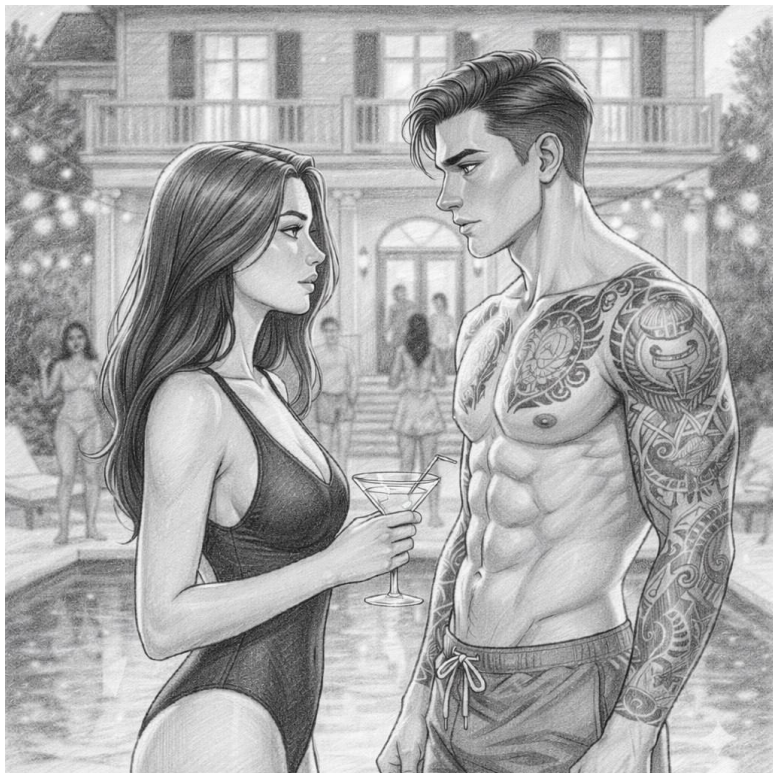
Ян спокойно улыбается, но его поза меняется – плечи расправляются, тело слегка подается вперед.

– Всегда рад новым знакомствам, – говорит он легко, но в глазах читается вызов.

Тишина. Даже музыка кажется приглушенной. Между ними пробегают невидимые искры – два хищника, оценивающие друг друга. Между этими двумя явно что-то произошло, а Максим, словно между двух огней. Нужно будет узнать у Сони, она точно знает, ведь в курсе всех новостей и событий.

– Ну что, может, выпьем? – Нарушаю молчание я, поднимая бокал.

Демид задерживает на мне взгляд на секунду дольше, чем нужно, затем резко разворачивается.

– Меня там заждались, но я подойду, – бросает он через плечо и уходит к девчонке у бара.

– О, это будет интересно, – хихикает Соня, а Максим закатывает глаза.

Глава 3.

*« Идеальная девочка »
Арина*

Я просыпаюсь с ощущением, будто в моей голове устроили марафон ударных инструментов, а вместо мозга – раскаленный свинец. Солнечный свет, пробивающийся сквозь щели штор, режет глаза как лезвие. Я зажмуриваюсь, стону и натягиваю одеяло на голову, пытаюсь убедить себя, что вчерашняя вечеринка – всего лишь дурной сон.

Но нет.

Память медленно возвращается: танцы у бассейна, коктейли, которые Соня подливала мне с подозрительной регулярностью, смех, музыка... и...нет, не хочу об этом думать.

– О, живая! – Соня буквально врывается в комнату, неся за собой аромат свежесваренного кофе и какой-то нечеловеческой бодрости. Ее рыжие локоны уложены в идеальные волны, стрелки – ровнее, чем моя жизненная траектория последние два года, а помада такого сочного красного цвета, что больно смотреть.

Я стону, натягивая подушку на голову:

– Ты слишком громкая для этого мира...

– А ты слишком драматичная для обычного похмелья. –

Она ставит кофе на тумбочку и резко открывает шторы. Я верещу, как вампир на рассвете.

– Ненавижу тебя.

– Любишь. Выпивай и рассказывай.

Я с трудом приподнимаюсь, делаю глоток горького эспрессо – Соня знает, что я люблю его крепким, почти как свою жизнь.

– Что рассказывать? Вечеринка как вечеринка.

– Ой, да ладно! – Она плюхается рядом, а глаза горят любопытством. – Во-первых, Демид. Во-вторых, Ян. В-третьих...

– В-третьих, – перебиваю я, – это ты мне расскажешь, что у них случилось? Они вчера смотрели друг на друга, как два волка на одной территории.

Соня хихикает, ее глаза загораются азартом. Она обожает сплетни, особенно когда может быть в центре внимания.

– Ну, – она наклоняется ко мне, понижая голос, хотя, кро-

ме, нас в комнате никого нет, – когда Ян переехал сюда, он сразу привлек к себе внимание. И не только потому, что симпатичный. Парень умеет управлять байком так, что даже Демид позавидовал. Они устроили пару гонок, и... – подруга делает паузу для драматизма. – Ян несколько раз его обошел.

Я приподнимаю бровь, несмотря на боль в висках.

– И что, Демид не смог этого пережить?

– О, это еще не все! – Соня хлопает в ладоши. – Потом они случайно пересеклись в одном из баров, и... ну, там были девушки и алкоголь, и, конечно, чье-то разбитое эго. В общем, чуть не подрались. Макс их еле разнял.

Я представляю эту сцену: Демид с его вечной ухмылкой и Ян, спокойный, но с тем самым опасным блеском в глазах. Два альфа-самца, готовых разорвать друг друга на части.

– Значит, вчерашний взгляд – это...

– Это «ты мне еще ответишь», – смеется Соня. – Но, знаешь, Ян тобой явно заинтересовался. И Демид это заметил.

Я откидываюсь на подушки, закрываю глаза и вздыхаю. Голова гудит, но где-то в глубине живота – легкое, почти незаметное щемление.

– Ян... – задумчиво произношу, – он неплох собой. Правда, я смутно помню вчерашнюю ночь. – Делаю глоток кофе, отправляю кружку обратно на прикроватную тумбочку и заваливаюсь на кровать.

– Так, Максим уехал на объект, скоро вернется. Просил тебя разбудить и привести в чувства, у вас созвон с родите-

лями, – Соня встает с кровати и надменно смотрит на меня.

А мне ни черта из этого не хочется. Хочу просто лежать в кровати, ближайшие часов восемь, уж точно.

– Я обещала Максу. – Пожимает плечами рыжая бестия и смотрит хитрым взглядом. – Или я... – Она задумчиво прикладывает палец к подбородку и смотрит куда-то вверх.

– Нет, даже не думай! – Прерываю ее мысленный поток, потому что знаю эту позу. Если я сейчас не подниму свою пятую точку и не пойду в душ приводить себя в порядок, эта ненормальная придет с ведром холодной воды и выльет его на меня.

– Ты приняла правильное решение, – хохочет она и, поднявшись с кровати, идет к выходу. – Я пойду на кухню. – Машет мне рукой и скрывается за дверью.

Лежу еще какое-то время и борюсь с ленью. Но оказаться мокрой в собственной кровати мне совсем не хочется, поэтому, пересилив себя, поднимаюсь и плетусь в душ.

Вода обжигающе горячая, но мне именно это и нужно – чтобы смыть с себя вчерашний вечер и это противное похмельное состояние. Стою под струями, закрыв глаза, позволяя воде смыть остатки сна и алкогольного тумана. Пальцы автоматически втирают шампунь в волосы, и аромат цитруса бодрит сильнее, чем тот кофе.

Вытираясь полотенцем, ловлю свое отражение в запотевшем зеркале – темные круги под глазами, бледная кожа. «Прелесть», – мысленно усмехаюсь. Но хотя бы голова уже

не раскалывается.

Надеваю легкие шорты и свободную майку – на улице обещают адскую жару. Волосы собираю в мокрый хвост, даже не пытаясь привести их в порядок. Максиму повезет, если я вообще покрашусь к этому созвону.

Когда выхожу на кухню, меня сразу встречает аромат жареного бекона. Соня, стоя у плиты, что-то энергично помещивает на сковороде.

– Ну наконец-то! – кричит она, увидев меня. – Я уже думала, тебе понадобится ведро воды.

– Очень смешно, – фыркаю я, плюхаюсь на стул за барной стойкой и тут же замечаю Макса. Он сидит за столом с ноутбуком, в своей привычной позе делового акулы – брови сведены, пальцы быстро стучат по клавиатуре.

– Привет, сестренка, – бросает он, не отрываясь от экрана. – Как самочувствие после вчерашних подвигов?

– Как после легкой прогулки по минному полю, – отвечаю и тянусь к кофейнику.

Соня ставит передо мной тарелку с яичницей и беконом.

– Ешь. Ты мне нужна в сознании, – говорит она тоном опытного тюремного надзирателя.

Макс, наконец, отрывается от ноутбука и изучающе смотрит на меня:

– Родители будут звонить через час. Надеюсь, ты готова к разговору?

Я закатываю глаза, набивая рот яичницей:

– О да, не могу дождаться, когда мама начнет нотации.

– Арин, – Макс вздыхает, – может, хотя бы попробуешь не начинать ссору?

– Я всегда стараюсь, – делаю глоток кофе. – Это они начинают.

Соня, тем временем уже наливает себе чай и садится рядом.

– Так. – Она стучит ножом по столу, как судья молотком. – У нас есть час до звонка ваших родителей. Давайте обсудим стратегию.

– Стратегию? – переспрашиваю я, чуть не подавившись беконом.

– Да! – Ее глаза горят. – Ты должна выглядеть идеальной дочерью. Смиренной. Раскаивающейся.

– Я два года была в Швейцарии, – говорю в ответ. – Разве этого недостаточно для раскаяния?

– Для мамы – нет. – Макс качает головой, отвлекаясь от работы.

Соня хлопает в ладоши:

– Вот видишь! Поэтому слушай меня. Волосы – собранные. Макияж – минимальный и скромный. Одежда – никаких оголенных плеч.

Я смотрю на свою майку с вырезом и вздыхаю.

– Ладно. Но только ради тебя.

– И ради того, чтобы тебя снова не отправили в «ссылку», – добавляет Макс. – Когда они вернутся, нужно будет вести

себя хорошо.

– Правда, может, они решат перевести тебя в институт в городе? Мой отец поможет устроить это, – Соня задумчиво стучит пальцами по столешнице, а потом резко вскакивает. – Так, тогда начинаем операцию «Идеальная дочь». У нас всего пятьдесят семь минут!

Я откидываюсь на спинку стула, наблюдая, как Соня уже несется в мою комнату, видимо, в поисках «подходящей» одежды. Макс снова погружается в работу и, взяв телефон, на который звонят, выходит на задний двор.

А я думаю о том, что через час мне предстоит очередной раунд боя с родителями. И почему-то это кажется сложнее, чем вчерашнее противостояние Демида и Яна.

По крайней мере, на вечеринке я могла просто уйти. А здесь придется остаться и выслушать все до конца.

Опять.

И эта затея ребят кажется мне безумной и провальной. Мать никогда не позволит себе отступить и пересмотреть свое решение. Она лучше в окно выйдет, но не покажет то, что отступает от своих слов.

Радуюсь за Макса, ему в этом плане повезло гораздо больше. А все потому, что у нас разные матери, и к Максиму моя так не цепляется. Наоборот, она всегда ставила его в пример и хотела, чтобы я была лучше. Ведь ее дитя не может быть такой... такой, какой получилась я.

Но несмотря на это, брат всегда был рядом, поддерживал

и вставал на мою сторону. За что я его безмерно люблю.

– Приятного аппетита, Ариш. – Возле уха, совсем неожиданно, раздается голос Демиды, отчего я подпрыгиваю на стуле и чуть ли не падаю, но ловкие руки ловят меня. – Аккуратнее, – улыбается он.

Сердце бешено колотится в груди, будто пытается вырваться наружу. Я резко разворачиваюсь на стуле и встречаюсь взглядом с этими насмешливыми серыми глазами. Демид стоит в полуметре, все такой же невозмутимый, с той же чертовски раздражающей ухмылкой. Его пальцы все еще обжигают мое плечо сквозь тонкую ткань майки.

– Придурок, зачем подкрадываться? – выдыхаю я, вырываясь из его хватки. Ладони моментально становятся влажными, а в животе – разливается предательское тепло.

Он делает шаг назад, поднимая руки в мнимой сдаче, но ухмылка только шире расплзается по его лицу.

– Я же не виноват, что ты витаешь в облаках. – Его голос звучит как мед, густой и сладкий, но с явной ноткой яда. – Хотя после вчерашнего неудивительно. Сколько там было коктейлей?

Я возвращаюсь к завтраку, а Демид становится напротив, придвигаясь ближе и опираясь руками о барную стойку. Он чуть наклоняется, и я чувствую, как от него пахнет мятой.

– Никто не считал, – фыркаю я, – чего ты пришел?

– Скучал, – говорит он просто, и от этого мой живот предательски сжимается.

– Два года не виделись – не скучал, а сейчас вдруг затосковал? – фыркаю снова, откидываясь назад, чтобы увеличить расстояние между нами. Но спинка стула мешает – я в ловушке.

– Может, просто соскучился по твоему острому языку. – Он наклоняется еще ближе, и я вижу, как солнечный свет играет на его ресницах.

– Демид, если ты пришел бесить меня, то давай в следующий раз, – резко выпаливаю я.

Мне сейчас совсем не до перепалок, у меня мало времени и нужно настроиться на разговор с родителями.

Демид открывает рот, чтобы сказать какую-нибудь очередную гадость, но за его спиной раздается голос Макса:

– О, Дем, ты уже пришел. Иди-ка сюда, – зовет его брат, но Демид смотрит несколько секунд в мои глаза, а потом, подмигнув, отталкивается от стойки и уходит к брату.

Выдыхаю с облегчением. Соня врывается на кухню с охапкой одежды и триумфально бросает ее на стол, едва не задев мою тарелку.

– Вот! – объявляет она, указывая на кучу ткани. – Скромно, элегантно и никаких провокаций.

Я скептически рассматриваю бежевую блузку с бантом у горла и темно-синюю юбку миди. Выглядит так, будто я собираюсь не на видеозвонок, а на собеседование в консерваторию.

– Ты хочешь, чтобы я выглядела как библиотекаряша из

80-х?

– Я хочу, чтобы твоя мать не увидела ни намека на ту «испорченную девчонку», которую она отправила в Швейцарию, – парирует Соня, скрестив руки.

Я закатываю глаза, но встаю и хватаю одежду.

– Ладно, ладно.

В комнате быстро переодеваюсь, с трудом застегивая дурацкий бант, и собираю волосы в тугий пучок. Зеркало отражает чужую версию меня – сдержанную, правильную, такую, какой меня хочет видеть мать. От этого скребет под кожей.

Соня вбегает без стука, с кисточкой для румян в одной руке и помадой в другой.

– Идеально! Теперь немного макияжа, только не смей сопротивляться.

А я и не сопротивляюсь, понимая, что все это напрасно, но с Новиковой спорить не хочу. Она наносит легкие штрихи, будто художник, исправляющий шедевр. Я терплю, стиснув зубы.

– Ты же знаешь, что это все бессмысленно, да? – говорю я, когда она отходит, чтобы оценить результат. – Она все равно найдет, к чему придраться. Да и плюс ко всему, они вернуться, а я не буду в этом ходить.

Соня на секунду замирает, потом берет меня за плечи.

– Может быть. Но ты хотя бы попробуешь. Для себя. Чтобы потом не корить себя, что не сделала все возможное. А что делать потом, мы разберемся.

Я ничего не отвечаю, но киваю.

Макс зовет нас из гостиной – до звонка осталось пять минут. Сердце начинает биться чаще, ладони снова становятся влажными.

Соня вдруг хватается меня за руку:

– И помни: что бы она ни сказала – это неправда. Ты не та, кем она тебя считает.

Я вдруг понимаю, что мне не хватает воздуха. Становится невыносимо душно. Единственное, чего я хочу, – это снять с себя это убожество и сбежать из этого кошмара.

– А если я именно такая? – вырывается у меня шепотом.

Соня улыбается – той самой бесшабашной улыбкой, которая всегда заставляет меня верить в чудеса:

– Тогда мне повезло иметь такую потрясающую подругу.

Мы спускаемся в гостиную. Максим сидит на диване, Демид сбоку на кресле и еле сдерживает смех, чтобы не рассмеяться. Но видя мой взгляд, который кричит: «Скажешь слово – убью», он делает жест, будто закрывает рот на замок и выкидывает ключ.

А это выглядит смешно, но я сдерживаюсь и сажусь рядом с Максимом.

– Может, без лишних ушей? – поворачиваюсь к брату и киваю ему на Демида.

– Да, чего это мы, – влезает Соня и, подбежав к Демиду, хватается его под руку. – Пошли к бассейну. – Егоров поднимается, понимая, что спорить с ней не стоит, а Новикова, по-

вернувшись ко мне, показывает пальцами «окей».

Звонок раздается ровно в назначенное время. Макс уже подключил ноутбук к большому экрану в гостиной. На фоне – идеально убранная комната, никаких следов вчерашней вечеринки.

Я делаю глубокий вдох настраиваясь. Мы не разговаривали с родителями по видеосвязи давно и мне волнительно.

Экран оживает, и там появляются лица родителей. Мать – безупречная, как всегда, с холодными глазами, которые сразу находят меня. Отец – чуть уставший, но улыбающийся.

– Ну вот, наконец-то, – говорит мать.

И я чувствую, как все мое тело напрягается, готовясь к бою.

Но где-то глубоко внутри теплится крошечная надежда. А вдруг... Вдруг в этот раз все будет иначе?

Глава 4.

*«Разбитые ожидания»
Арина*

Голос матери врезается в сознание, как осколок стекла. «Ну, прилетела?» – звучит в динамиках, и каждый слог отдается резкой болью под ребрами. Я сжимаю кулаки до хруста, чувствуя, как ногти впиваются в мокрые от пота ладони. Но эта боль – ничто по сравнению с тем, как ее ледяной взгляд медленно ползет по моему образу: от собранных волос до скромного воротника блузки, которую Соня назвала *«идеальной для раскаявшейся дочери»*.

«Дыши. Просто дыши», – командует внутренний голос, но легкие отказываются слушаться.

На экране мама безупречна. Жемчужные сережки (те самые, что я когда-то в детстве назвала «бабушкиными»), губная помада холодного розового оттенка, безукоризненный макияж, скрывающий морщинки у глаз. Все то же самое, что и два года назад. Как будто время для нее замерло.

– Багаж не потеряла? – спрашивает она, и я чувствую, как Макс напрягается рядом.

– Нет, – отвечаю слишком резко и тут же поправляюсь: – Все на месте.

Ее брови чуть приподнимаются. «Опять не так ответила», – мелькает в голове.

– В комнате разместились?

– Да.

– Одежду разобрала?

– Да.

Каждое мое «да» звучит все тише. Ловлю себя на том, что непроизвольно поджимаю плечи, будто пытаюсь стать меньше. «Боже, да я же как затравленный зверек», – с отвращением думаю я, но разжать челюсти не могу.

Она делает театральную паузу, ее взгляд – сканер, выискивающий изъяны.

– Хорошо выглядишь, – произносит мама, и в этих словах нет ни капли тепла. Только констатация факта: «Жива. Здорова. Можно не беспокоиться».

Я чувствую, как по спине пробегают мурашки.

– Спасибо, – выдавливаю и тут же ненавижу себя за эту

автоматическую вежливость.

Перевожу взгляд на отца с кофейной чашкой. Мы перекидываемся с ним парой фраз, и я вижу, как его глаза горят от встречи со мной. Хоть что-то теплое в этом разговоре.

– Надеюсь, там тебя хоть немного приучили к дисциплине? – голос мамы звучит сладко, как сироп, но я-то знаю – это яд. Мой желудок сжимается в тугий узел.

– Да, – лгу, чувствуя, как горит лицо.

Она кивает, довольная. «Какая хорошая девочка. Сидит. Молчит. Не перечит».

– Тогда, может, в этот раз не устроишь очередной скандал, – произносит она небрежно, будто говорит о погоде.

Воздух вырывается из легких, словно мне нанесли удар.

– Я никогда... – начинаю я, но голос предательски дрожит.

– Не начинай, Арина. – Она поднимает руку, останавливая меня. Жест королевы. – Мы все помним историю с Зимиными.

– Мам... – вырывается крик, и я тут же кусаю губу.

– Хватит. – Ее губы растягиваются в той самой улыбке, от которой меня всегда тошнило. – Не будем об этом. Просто постарайся хотя бы сейчас не привлекать к себе внимания. Макс, отправь документы по почте. – Мама переключает свое внимание на брата, а я сижу смиренно, борясь с желанием заплакать.

Экран гаснет. Я сижу, уставившись в черный монитор. В ушах – высокий звон. В груди – ледяная пустота.

«Постарайся не привлекать внимание» – как будто я – позор. Как будто мое существование – это неудобство. Как будто все мои поступки – сплошная цепь ошибок. Как будто я – вечное разочарование в ее безупречной жизни.

– Арина... – Макс осторожно касается моего плеча.

Я вскакиваю резко. Меня накрывает волной из эмоций, но мне не хочется срываться на брате. Он ведь хотел как лучше, и этого разговора было не избежать.

– Все в порядке, – говорю я, и мой голос звучит чужим. – Все просто замечательно.

Босые ноги шлепают по мраморному полу. Я иду, не видя ничего перед собой. В голове – только ее слова и взгляд...

В спальне срываю с шеи нитку жемчуга – ее подарок на мое шестнадцатилетие, «Настоящий, как у взрослой леди». – И с размаху швыряю в стену. Жемчужины рассыпаются по полу с тихим звоном, скачут, прячутся под кровать, закатываются в угол.

Я падаю на колени, подбираю одну бусину в ладонь. Она холодная, идеально круглая. Из глаз, наконец, прорываются слезы. Горячие, обжигающие. Они капают на жемчужину, скатываются по ее гладкой поверхности, не оставляя следа.

«Совсем как я», – думаю, сжимая бусину в кулаке. – «Никаких следов. Никаких эмоций. Просто... идеальная картинка».

Я падаю на кровать, как подкошенная. Лицо тонет в шелковистой прохладе подушки, но даже ее нежный материал

не может впитать все эти предательские слезы, что текут и текут без остановки. Глаза горят огнем, а в груди – огромная черная дыра, которая засасывает все светлое, оставляя лишь ледяную пустоту. «Почему? – стучит в висках. – Почему она всегда так со мной?»

Пальцы судорожно впиваются в подушку, мну дорогую шелковую наволочку, рву ее безупречную гладь. Я зарываюсь глубже, глубже, как будто могу закопаться в этом белоснежном убежище и исчезнуть. Хотя бы на время. Хотя бы до тех пор, пока не перестанет болеть.

«Не привлекай внимания».

Эти слова висят в воздухе тяжелыми, свинцовыми гирями, раздавливая последние остатки самоуважения. Как будто я – позорная ошибка, которую нужно скрывать. Как будто само мое существование – это что-то постыдное, что нужно прятать за высокими заборами их идеального мира.

Переворачиваюсь на спину, уставившись в потолок. Глаза опухшие, ресницы слиплись от слез. Надо бы умыться, привести себя в порядок, но даже пошевелить рукой кажется непосильной задачей. Тело тяжелое, как будто налитое свинцом.

«А может, она права? – шепчет гадкий голосок в голове. – Может, я и правда только и делаю, что порчу все вокруг? Может, я действительно такая... неудачная?»

Мысли крутятся бешеным вихрем, с каждой минутой затягивая все глубже в пучину самобичевания. Становится

трудно дышать. Комната начинает медленно вращаться.

Вдруг раздается резкий звук распахивающейся двери. Я даже не успеваю прийти в себя.

– Ариш, – произносит Соня.

Она замирает на пороге, ее карие глаза расширяются до невероятных размеров, когда подруга замечает мое заплаканное лицо.

– Блин, ну и видок! – вырывается у Сони, пока она преодолевает расстояние от двери к кровати, запрыгивая на нее. Матрас вздымается волной под ее весом, подбрасывая меня, как щепку. – Что за кошмарный разговор у вас был? Ты будто через мясорубку прошла!

Я отворачиваюсь к стене, но Соня не из тех, кого можно так легко отшить. Ее пальцы сжимают мое запястье чуть сильнее.

– Да пустяки... – мой голос звучит хрипло, будто я неделю не пила воды. – Обычный мамин «теплый» прием. «Как долетела? Багаж не потеряла? Не позорь нас». Стандартный набор.

– Извини, но твоя мама – эгоистка. В голове крутятся другие слова, но я, пожалуй, промолчу, – хмыкает Соня, обнимая меня. – Знаешь, мне иногда, кажется, у нее вместо сердца снежный ком. Хотя нет, ком хотя бы тает...

– Я ожидала, чего-то подобного. Сейчас умоюсь, переоденусь, наконец-то, и приду в норму, – отвечаю уже спокойнее.

Поддержка Новиковой успокаивает меня и становится

легче дышать. Но обида внутри никуда не исчезает.

– Так, у меня есть план, – неожиданно заявляет Соня, – едем на пляж, как тебе такое? – Она подскакивает в кровати. – Собирайся, я тоже сбегая домой, а потом... потом будем купаться, загорать и наслаждаться жизнью. Как тебе?

– Звучит неплохо. – Задумываюсь, а ведь, правда, нужно не обращать внимания на выходы мамы. Она никогда не изменится и будет вести себя со мной так же.

– Звучит, потрясающе, – хихикает Новикова, и поднявшись с кровати, шлет мне воздушный поцелуй, – собирайся, – а после исчезает за дверью.

Нужно отвлечься от мыслей. Я знала, что будет именно так. Хотя нет, я думала, будет хуже, ведь ожидала, что родители будут дома. Но тогда бы я не смогла спокойно дышать под надзором мамы. Сейчас какая-то частичка меня даже радуется, что они улетели. И пока их нет, я буду отрываться и наслаждаться молодостью.

Глава 5.

*«Глубина притяжения»
Арина*

Надеваю черный купальник, а поверх шорты и топ. В отражении зеркала – девушка с растрепанными волосами и красными от слез глазами. Но в этом взгляде уже нет той сломленности – только вызов и решимость.

«Черт с мамой! Я буду отдыхать и дышать полной грудью!» – твержу про себя, нанося каплю блеска на губы.

Беру шопер, складываю все необходимое: солнцезащитный крем, – мама бы одобрила, но мне плевать, – большое пушистое полотенце, бутылку для воды. На секунду задумываюсь и добавляю книгу, которую давно хотела дочитать –

пусть лежит, вдруг захочется отдохнуть ото всех.

Спускаюсь по широкой лестнице, пальцы скользят по прохладным перилам. Внизу уже слышны голоса.

Соня уже вернулась, сидит в компании парней и залипает в телефон. Она в ярко-желтом бикини и полупрозрачном парео. Ее рыжие волосы собраны в высокий хвост, а на носу уже красуются огромные солнцезащитные очки в белой оправе.

Егоров, как всегда, выглядит чертовски привлекательно – белые шорты, загорелый торс. Он что-то оживленно обсуждает с Максом, который в своем фирменном стиле – белая рубашка, рукава закатаны в три четверти, дорогие часы. Деловой вид даже дома.

– О, ты уже собралась, – меня замечает Соня и подскакивает с дивана, – не будем терять время. – Кивает она мне на выход.

Ее движение заставляет парней оторваться от разговора. Макс смотрит оценивающе, а Демид... Его серые глаза медленно скользят по моим ногам, поднимаются выше, задерживаются на открытом животе. Я чувствую, как по спине бегут мурашки, несмотря на прохладу кондиционированного воздуха.

– Вы это куда? – спрашивает Макс, глядя то на меня, то на Соню.

– К озеру, – отвечает подруга.

– Может, побудете у бассейна? Мы освободимся и поедем

вместе, – предлагает брат, но Новикова с хитрой улыбкой, качает головой.

– Не-е-ет, мы в сопровождающих не нуждаемся, – хмыкает, и, взяв меня под руку, выводит из дома. – Не хватало еще, чтобы Макс следил за тобой, – шепчет на ухо.

– Да успокойся, это же мой брат, – отвечаю, совсем не понимаю, чего она так завелась.

– Да-да, а с ним Демид, – фыркает Соня, снимая машину с сигнализации. – Не хватало еще, чтобы вы там утопили друг друга. Мы едем отдыхать. Но если хочешь, и твои чувства...

– Заткнись! – перебиваю подругу, чувствуя, как краснеют щеки. – Поехали уже, много болтаешь.

Не хватало еще, чтобы Новикова стала вспоминать прошлое, которое я два года тщательно старалась забыть.

Соня одаривает меня улыбкой победителя – той самой, что означает «я все знаю, но сделаю вид, что верю тебе». Она грациозно садится за руль своего красного кабриолета, а я плюхаюсь на пассажирское сиденье, чувствуя, как нагретая солнцем кожа сиденья обжигает ноги.

Двигатель рычит, музыка взрывается ритмичным битом, и мы срываемся с места, оставляя за собой клубы пыли. Ветер сразу же начинает трепать волосы. Я запрокидываю голову, закрываю глаза и вдыхаю полной грудью.

Свобода. Вот что я чувствую в этот момент. Настоящую, ничем не ограниченную свободу.

Дорога к озеру петляет между вековых сосен, то и дело от-

крывая проблески воды. Соня прибавляет скорость, и ветер становится сильнее, вырывая из моего рта смех. Протягиваю руку, ловя потоки ветра – они обжигают горячие, словно само лето решило прикоснуться ко мне.

– Ну как? – Соня повышает голос, перекрывая рев мотора.

– Лучше терапии! – Кричу в ответ, и это чистая правда.

Мы резко сворачиваем на повороте, и перед нами открывается вид – огромное озеро, сверкающее под солнцем, будто рассыпанные драгоценности. Бирюзовая гладь воды плавно переходит в золотистый песок пляжа, где уже собрались компании.

Соня паркуется под раскидистым кленом, его тень создает приятную прохладу. Я выхожу из машины, и горячий песок мгновенно обжигает босые ноги. Делаю несколько шагов, привыкая к температуре, и вдыхаю полной грудью. Воздух здесь другой – насыщенный ароматом воды, сосен и солнцезащитных кремов.

– Эй, смотрите, кто приехал! – раздается знакомый голос.

Оборачиваюсь – у самой кромки воды собралась наша компания: Лера в ярком парео, Костя с гитарой в одной руке и пивом в другой, Никита и еще несколько ребят. Они машут нам, приглашая подойти.

– Пошли! – Соня скидывает парео, оставляя только желтое бикини, и тянет меня за руку.

Я стягиваю шорты и топ, оставаясь в черном купальнике. Песок горячий, но приятный, он будто заряжает энергией.

– Арина! – Ира первой подбегает и обнимает меня. – Мы уже думали, ты навсегда превратилась в эту свою «идеальную швейцарскую леди».

– Мечтайте, – смеюсь я, освобождаясь от объятий.

– Меня вчера не было с вами, я ночью прилетела с отпуска, – говорит Ира, моя школьная подруга, только учились мы не в одном классе, а в параллельных.

Костя протягивает мне холодную банку пива:

– Держи, выглядишь, будто тебя только что из пустыни спасли. Вчера отличная туса была.

Я с благодарностью принимаю напиток, чувствуя, как капли влаги стекают по пальцам. Вода в озере манит своей прохладой, но сначала хочется просто постоять, оглядеться, впитать эту атмосферу.

Пирс справа заполнен людьми – кто-то загорает, кто-то ныряет. Дальше у каменного выступа, собралась другая компания – там играет музыка, смех разносится над водой.

– Так, планы на сегодня, – Соня хлопает в ладоши, привлекая внимание. – Сначала плаваем, потом загораем, а вечером...

– Вечеринка на пирсе! – подхватывает Лера.

– Снова? – удивляюсь, потому что я отвыкла от такой жизни.

– Именно, каждый день будет наполнен весельем, – подмигивает Соня.

Я качаю головой, но улыбка сама расплзается по лицу.

Вода искрится, приглашая окунуться, а солнце греет плечи.

– Ну что, – Соня берет меня за руку, – поплаваем?

Я киваю, и мы бежим к воде. Первые шаги – горячий песок, затем прохладная вода окутывает лодыжки, колени, бедра...

– Холодно! – вскрикиваю я, но Соня уже тянет меня за собой.

– Быстро привыкнешь!

И правда – через пару секунд тело адаптируется, и вода кажется идеальной. Я ныряю, открываю глаза под водой – здесь тихо, спокойно, только солнечные лучи пробиваются сквозь толщу, создавая причудливые блики.

Немного поплавав, мы возвращаемся к ребятам. Пока нашоу крем на спину Соне, мы болтаем с друзьями. Вспоминаем школу, Никита – наш с Новиковой одноклассник – даже пытается напомнить про выпускной, но быстро отсекается и переключается на другую тему.

Мы много шутим, смеемся, фотографируемся и записываем забавные сторис. И в этот момент я чувствую полное расслабление. Мне безумно хорошо, даже утренний разговор с мамой меркнет на фоне.

Без понятия, сколько проходит времени, солнце хорошо припекает, и я решаю сходить снова окунуться. Ребята отказываются. Они начинают играть в карты, и никому нет дела до воды.

Быстро забегаю в воду и сразу ныряю. Охлаждает момен-

тально, принося удовольствие.

Вода обнимает тело, смывая последние следы напряжения. Я отплываю подальше от берега, где шум компании превращается в приглушенный гул. Здесь, в прохладной глубине, наконец-то можно побыть одной. Переворачиваюсь на спину, закрываю глаза и чувствую, как солнце целует лицо.

«Как же хорошо...»

Мысли становятся легкими, как пузырьки воздуха, поднимающиеся к поверхности. Два года строгих правил, холодных взглядов и бесконечных «ты должна», растворяются в этой бирюзовой воде. Я медленно выдыхаю, ощущая, как вместе с воздухом уходят последние оковы.

Внезапно – резкое движение рядом. Я едва успеваю вскрикнуть, как из глубины всплывает чья-то темная фигура. Сердце бешено колотится, вода попадает в нос...

Сильные руки хватают меня за талию.

– Тссс, это я... – знакомый голос звучит прямо у уха.

Демид.

Его пальцы обжигают кожу даже сквозь прохладную воду. Я резко разворачиваюсь, и моя грудь почти соприкасается с его. Капли воды стекают по его волосам, задерживаются на ресницах. Серые глаза смотрят так сосредоточенно, будто видят меня насквозь.

– Ты что, решил меня утопить? – выдыхаю я, но голос звучит странно, с хрипотцой.

Он не отвечает. Просто смотрит. Его взгляд скользит по моим мокрым губам, опускается на шею, где бешено бьется пульс.

Вода вокруг будто нагревается. Его дыхание смешивается с моим. Губы так близко, что я чувствую их тепло. Вода покачивает нас, заставляя тереться друг о друга. Где-то внизу живота разгорается знакомое тепло, которое я два года пыталась забыть.

– Ты плохого обо мне мнения, – выдыхает прямо мне в рот, а после отстраняется. – Я просто мимо проплывал.

Его пальцы скользят по моей руке, когда он отплывает назад. Я застываю на месте, наблюдая, как он исчезает под водой, оставляя после себя только расходящиеся круги.

Сердце бьется так сильно, что, кажется, его слышно даже на берегу. Я касаюсь губ, будто пытаюсь поймать след его дыхания.

«Черт возьми...»

Вода больше не кажется прохладной. Тело горит. А где-то в глубине души просыпается что-то, что я так старалась похоронить.

Глава 6.

*«Манец на углях»
Арина*

Теплый ветер с озера обжигает кожу, смешиваясь с запахом дыма от костра. Уже вечереет, солнце садится, но на улице по-прежнему жарко. К нам подтянулась еще одна компания. Там ребята постарше, ровесники Демида и Макса, но никто не делает на этом акцент.

Я сижу на поваленном бревне, сжимая в руках банку с пивом, и стараюсь не смотреть в сторону Егорова. После нашего столкновения в озере я вообще стараюсь его избегать. Сейчас он стоит у воды, мокрый после очередного прыжка, и что-то рассказывает ребятам жестикулируя. Его смех разно-

сится по пляжу, и я чувствую, как что-то сжимается внутри.

Опять этот смех. Такой знакомый. Такой раздражающий.

Я отворачиваюсь и делаю глоток. Пиво уже теплое, но мне все равно.

– Ты чего тут одна? – Соня плюхается рядом, ее рыжие волосы пахнут кокосовым кремом и дымом.

– Наблюдаю, – отвечаю я, неопределенно махнув рукой в сторону озера.

– За Демидом? – она поднимает бровь, и я тут же фыркаю.

– За природой.

– Ага, за «природой» в виде полуголого парня с татуировками.

Я бросаю в нее смятым бумажным стаканчиком, но она ловко уворачивается, смеясь.

– Ладно, ладно, не кипятись. Просто... если бы ты видела свое лицо, когда он сегодня вылез из воды.

– У меня было обычное лицо.

– Обычное лицо человека, который готов либо убить его, либо снять с него шорты зубами.

Я хочу ответить, но рядом появляется Ян. Он в серой футболке, шортах, такого же цвета, черной бейсболке и солнцезащитных очках.

– Надеюсь, я ничего интересного не пропустил, – говорит навеселе и садится прямо на песок напротив нас.

– Я думаю, все ждали твоего появления и не веселились,

– усмехается Соня.

– Тогда я вовремя, – он улыбается во весь рот и переводит взгляд на меня. – Как дела?

– Хорошо, – отвечаю лукаво, но не рассказывать же малознакомому парню, что утром был неприятный разговор с мамой, а потом... Так, Арина, даже думать об этом не смей.
– Ты как?

– Я пойду принесу холодного пива, – встречается Соня и, поднявшись с бревна, оставляет нас.

– Буду благодарен, – говорит он Новиковой и возвращает внимание ко мне: – Дела идут в гору, – весело произносит.

– В гору? Это звучит многообещающе. Какие вершины покоряешь? – Я стараюсь говорить непринужденно, но чувствую, как щеки предательски теплеют. Надеюсь, в полумраке этого не видно.

Ян снимает бейсболку и запускает руку в волосы, немного взъерошивая их. Вблизи он выглядит еще лучше, чем издали. «Стоп, Арина! Соберись», – мысленно одергиваю себя. Хотя, может, присмотреться к Яну...

– С Максом готовим один проект, по строительству, хотим презентовать его.

– Звучит интересно. Это сложно, наверное, – говорю я, стараясь поддержать разговор. – Конкуренция большая.

– Есть такое, – он усмехается. – Но кто не рискует, тот не пьет шампанское, верно?

– Это точно. – Я смеюсь, но мой взгляд невольно скользит

за его спину – туда, где Демид сейчас помогает Максиму разгружать ящик с напитками. Его мокрые шорты прилипли к бедрам, а капли воды стекают по рельефному прессу. Я резко отворачиваюсь, чувствуя, как сердце бешено колотится.

– Что-то не так? – Ян наклоняется ближе, его голос звучит искренне и обеспокоенно.

– Нет, просто... – Делаю глоток теплого пива морщась. – Пиво отвратительное. Соня забыла, зачем пошла, – киваю на подругу, которая о чем-то болтает с Лерой.

Он смеется и вдруг берет мою банку, наши пальцы слегка соприкасаются.

– Подожди тут, – говорит он и идет к термосумкам, в которых алкоголь.

Я остаюсь одна, обхватив колени руками. Костер трещит, где-то смеются, музыка стала громче. А я сижу и думаю о том, как чертовски несправедлива жизнь. Два года я пыталась забыть Демиду, а он стоит в двадцати метрах – мокрый, наглый и до сих пор самый красивый парень, которого я видела.

– Держи. – Ян возвращается с двумя бутылками сидра. – Это должно быть лучше, чем то, что ты пила.

– Спасибо, – я беру бутылку, и наши пальцы снова сталкиваются.

Он садится ближе, его плечо теплое и твердое. Мы молча пьем, наблюдая, как на другом конце пляжа кто-то пытается нырять с пирса.

– Пойдемте танцевать. – Подбегает Соня и берет меня за руку. – Ой, забыла принести пива, – резко вспоминает она, глядя на бутылку в моей руке.

– Уже не надо, – смеюсь, но поддаюсь на усилия Новиковой.

– Ян, ты с нами? – спрашивает рыжая бестия прищурившись.

– Я больше наблюдатель, – смеется он.

– Только слюнями тут все не забрызгай, – дерзит Соня в ответ и утягивает меня в толпу, которая уже всю танцует.

Музыка бьет в виски, ноги сами пускаются в пляс. Соня крутится рядом, ее рыжие локоны мелькают в свете костра. Я закидываю голову, позволяя ритму овладеть телом. Ветер развеивает подол рубашки, которую я позаимствовала у Кости, обнажая купальник.

«Наконец-то я дома», – мелькает мысль, когда песок горячими волнами омывает босые ноги.

Из толпы внезапно появляется Демид. Он танцует с девочкой, она училась в параллельном классе, но его серые глаза то и дело скользят в мою сторону. Я резко разворачиваюсь спиной, но чувствую его взгляд на своей коже – обжигающий, как солнечный ожог.

Продолжаю наслаждаться вечером, не думая ни о чем, но, выходит, плохо. Бедро рисуют восьмерки, руки скользят по коже живота. Внезапно я ловлю себя на том, что ищу в толпе Демида.

«Черт, нет!» – мысленно ругаю себя, но взгляд уже нашел его.

Он стоит в метре от меня. Его губы шевелятся – Демид что-то говорит, но музыка заглушает слова. Я делаю шаг назад, но он ловит мое запястье.

– Убегаешь? – говорит на ухо, его голос, низкий и хриплый от алкоголя, проникает прямо под кожу.

– От тебя? – Закатываю глаза. – Много берешь на себя, Егоров.

Музыка сменяется на что-то медленное. Демид не отпускает мою руку. Смотрит пронзительным взглядом, на губах играет еле уловимая усмешка. Не замечаю, что чересчур долго пялюсь, и, подняв глаза, хочу сказать какую-нибудь гадость и уйти, но Демид опережает меня.

– Ну что, потанцуем? – Его пальцы сжимаются сильнее, а другая рука ложится на талию, притягивая ближе. – Или боишься?

«Боюсь. Черт возьми, как же боюсь».

Боюсь, что он почувствует, как бешено бьется сердце.

Боюсь, что увидит в моих глазах то, что много лет пыталась скрыть.

Боюсь, что снова совершу ту же ошибку.

Его рука на моей талии обжигает сквозь тонкую ткань рубашки. Я замираю, чувствуя, как сердце бешено колотится где-то в горле. Демид стоит слишком близко – так близко, что чувствую запах его кожи, смешанный с озерной водой и

слабым шлейфом виски.

«Оттолкни его. Сейчас же», – приказываю себе, но тело отказывается слушаться.

– Я не боюсь, – выдыхаю, и голос звучит уверенно.

Демид усмехается, его губы искривляются в том самом надменном выражении, которое сводило меня с ума еще в школе. А глаза искрятся в свете костра.

– Тогда почему дрожишь? – Он наклоняется ближе, его дыхание обжигает шею.

Музыка льется медленной волной, и наши тела невольно начинают двигаться в такт. Я ненавижу, как естественно мое тело реагирует на него – бедра сами находят нужный ритм, а пальцы непроизвольно сжимаются на его плечах.

– Это не дрожь, – лгу я. – Это отвращение.

Демид громко смеется, и звук его смеха заставляет мурашки пробежать по спине.

– Врешь, Аришка. Ты всегда плохо врала, с самого детства.

Он крутит меня в медленном повороте, и на мгновение мир сужается до нас двоих. Костер, музыка, Ян, к которому я хотела присмотреться, смех друзей – все это превращается в далекий фон. Остаются только его руки на моей талии, его дыхание на моей коже, его глаза, которые смотрят так, будто видят все мои мысли.

– Два года, – вдруг говорит он тихо. – А ты не изменилась.

Два года. Долгих два года я убеждала себя, что ненавижу

его. Что он – причина всех моих бед. Но сейчас, в его объяснениях, все эти убеждения рассыпаются.

– Ты тоже, – отвечаю я, хотя это неправда. Он изменился. Стал еще более невыносимым. Еще более... красивым.

Его пальцы слегка сжимают талию, и я чувствую, как по телу разливается тепло.

– Скучала? – Он бросает вызов.

– По тебе? – Закатываю глаза. – Как по зубной боли.

Демид смеется снова, но вдруг его выражение меняется. Он наклоняется так близко, что его губы почти касаются моего уха.

– А я – да, – шепчет он, и от этих слов у меня перехватывает дыхание.

На мгновение я впадаю в ступор, даже спотыкаюсь, но Егоров крепко держит меня, не позволяя упасть. Бабочки в животе начинают плясать, а сердце бешено колотится о ребра.

Но нельзя позволить Демиду проникнуть туда, куда я закрыла железные двери на замок, а ключ выкинула.

– Ты пьян, Демид. – Чуть отстраняюсь, но мы продолжаем медленно покачиваться, – И, походу, перепутал меня с Викой, – намекаю ему на ту блондинку, с которой он относительно недавно мило беседовал.

– Не переп...

– Вольская Арина Денисовна собственной персоной в наших краях, – прерывает Демиду мерзкий писклявый голос,

который я узнаю из тысячи.

Карина Зимина стоит в метре от нас, и ее длинные светлые волосы развеваются на ветру, а губы растянуты в ядовитой улыбке.

– Наконец-то вернулась из своей... ссылки? А я думала, слухи ходят. – Она мастерски играет, натянув на лицо самую доброжелательную улыбку из своего арсенала.

Карина стоит перед нами, переминаясь с ноги на ногу, ее наманикюренные пальчики теребят подол короткого платья. Я чувствую, как рука Демида напрягается на моей талии.

«Ну вот и началось», – проносится в голове.

Глава 7.

*«Ядовитые аглы»
Арина*

Я медленно разжимаю пальцы на плечах Демида, чувствуя, как его ладони мгновенно сжимаются сильнее – горячие, влажные от жары и алкоголя. «Не уходи», – словно говорит это прикосновение. Но я уже делаю резкий шаг в сторону, выскользывая из плена его рук.

Карина стоит в двух шагах, наслаждаясь происходящим, как кошка, что только что загнала мышь в угол. Ее улыбка – слаще сахарной ваты, но я-то знаю, что под ней – чистый цианид. За эти годы она не изменилась – все те же ядовито-розовые губы, тот же слащавый голосок и те же хищные нотки в каждом слове.

– А я уж думала, тебя в этом городе больше не увижу.

– Ошибалась, – отвечаю сухо. – Я, знаешь ли, как плохая монета – всегда возвращаюсь.

Ее глаза блестят, будто она только этого и ждала.

– Ну конечно, куда же без тебя. – Этот фальшивый восторг в голосе заставляет меня стиснуть зубы, но она продолжает: – Я так рада, что ты *наконец-то* вернулась. Теперь, наверное, все будет *как раньше?* – врет и даже не краснеет.

– Никогда ничего не бывает «как раньше», – отвечаю, глядя прямо в глаза. Ее лицо – сладкое как мед, и такое же липкое. – Разве что ты, как всегда, влезаешь туда, куда тебя не просят.

Ее улыбка на секунду дергается:

– Ой, а мне казалось, ты уже научилась *не наступать на одни и те же грабли*. – Она делает театральную паузу. – Но, видимо, нет.

Кровь приливает к лицу так резко, что в ушах начинает звенеть.

– Ладно, не буду мешать вашему веселью, – слащаво улыбаясь, произносит она и переводит взгляд на Демида: – Пойдем, отойдем, поговорить надо, – кивает она ему на стоянку, и Егоров, черт бы его побрал, идет!

Не успеваю ни о чем подумать, так как меня сразу окружают ребята с вопросом: «Все ли нормально?». А я не знаю, потому что представляла эту встречу, тысячу раз, и ни в одном сценарии нет исхода, что Егоров уходит с Кариной.

Но, видимо, я много думаю о нем. Да и вообще, я только прилетела, не знаю, какие у них совместные дела, что их связывает. Я тут временный гость, который уедет, когда закончится лето, а они останутся жить свою жизнь дальше.

Отвечаю всем на автомате, что все в порядке и не стоит за меня переживать. Все уже давно прошло, и я запрещаю себе так реагировать на Зимину.

Веселье продолжается, все продолжают танцевать, пить и наслаждаться вечером. А вот мой вечер испорчен. Хотя стараюсь этого не показывать.

Костер трещит, музыка гремит, все смеются – а я чувствую себя стеклянной. Будто еще одно неловкое движение – и тресну.

Зачем я вообще прилетела? Знала, что будет больно. Но не думала, что так... *остро*.

– Эй. – Чей-то голос вырывает меня из мыслей. Поднимаю голову и вижу Яна. Он стоит рядом, его солнцезащитные очки теперь на макушке, а в глазах – не привычная веселость, а что-то серьезное. – Ты выглядишь так, будто готова кого-нибудь убить, – шепчет он, наклоняясь ближе, чтобы его не услышали другие.

– Это мое обычное выражение лица, – бросаю я, но тут же ловлю себя на том, что мне не хочется язвить.

Ян молча протягивает новую бутылку – холодную, с каплями конденсата, стекающими по стеклу. Беру ее, и ледяное прикосновение заставляет вздрогнуть. Делаю пару глотков

– сладкий сидр кажется теперь противным, липким, как та фальшивая улыбка Карины. «С завтрашнего дня – никакого алкоголя, только тренировки», – мысленно клянусь себе. Нужно вернуть контроль над телом и над эмоциями.

– Спасибо.

Он не уходит. Стоит рядом, глядя куда-то в сторону озера.

– Ты хочешь уехать? – вдруг спрашивает Ян, отвлекая меня от размышлений.

– С чего ты взял?

– Вижу, – пожимает плечами. – Ты уже минут пять смотришь на дорогу, как узник, мечтающий о побеге. – В его голосе нет насмешки, только понимание, от которого неожиданно сжимается горло.

Я хочу сказать, что все в порядке. Что мне просто жарко. Что я просто устала. Но вместо этого выдыхаю:

– Да. Ты прав.

Ян кивает и без лишних слов достает ключи из кармана:

– Пойдем.

– Ты же пил, – машинально возражаю я.

– Один сидр за три часа, – он усмехается. – Идем? – просто спрашивает он.

Киваю, резко поднимаясь. Голова слегка кружится – то ли от алкоголя, то ли от всей этой дурацкой ситуации. Озираюсь, пытаюсь в полумраке разглядеть Макса среди мельтешащих силуэтов, но лица сливаются в одно пятно.

– Я напишу Максиму, не волнуйся, – словно читая мои мыс-

ли, говорит Ян.

– Хорошо.

Павлов берет меня осторожно за локоть и ведет к машине. И я вдруг понимаю, что мне стыдно. Стыдно, что не смогла сохранить лицо. Стыдно, что меня до сих пор так задевает эта ситуация.

Проходим мимо толпы, Соня ловит мой взгляд, поднимает бровь. Я машу рукой: «Все ок, не волнуйся». Она хмурится, но не останавливает.

– Эй. – Он открывает дверь. – Не переживай.

– Да мне плевать.

– Врешь, – мягко говорит Ян. – Но это нормально.

Забираюсь на сиденье, и на мгновение кажется, что напряжение отпускает. Но стоит повернуть голову, и я вижу Демида. Он стоит в нескольких метрах, прислонившись к капоту чьей-то машины, уже не с Кариной, а с Димой, бывшим одноклассником. Но смотрит не на собеседника, а прямо на меня. Его лицо нечитаемо – только сжатая челюсть выдает... что? Злость?

Я резко отворачиваюсь, но слишком поздно – его взгляд уже обжег кожу, оставив после себя знакомое щемящее чувство. «Нет, нет, нет, – стучит в висках. – Ты же обещала себе».

Машина заводится, и мы выезжаем на дорогу. Ян не включает музыку. Не задает глупых вопросов. И за это я ему благодарна больше всего. Не знаю, в курсе он ситуации или же

нет, но молчит, а я предаваться рассказам не спешу.

Смотрю в окно на мелькающие огни и думаю только одно: «Я больше не позволю никому сломать себя». Даже если это вранье. Даже если это клятва, которую я уже давала себе сто раз перед зеркалом. Но в этот раз... В этот раз я постараюсь.

Глава 8.

«Лунные ожоги»
Арина

Колеса машины Яна мягко тормозят на гравийной дорожке перед домом. Я задерживаю руку на дверной ручке, не решаясь выйти.

– Спасибо, – шепчу, не поворачивая головы. Голос звучит хрипло, будто я целый час кричала. А может, так и было – там, на пляже, где музыка заглушала все, включая голос разума.

Ян молча кивает. Его пальцы постукивают по рулю в такт какой-то забытой мелодии. Он не задает вопросов, не лезет с утешениями.

– Завтра... может, сходим куда-нибудь? – неожиданно для

себя предлагаю я и поворачиваюсь к нему.

Губы сами растягиваются в этой фальшивой улыбке, которую я отрепетировала перед зеркалом еще в Швейцарии.

«Улыбайся, даже если больно», – любила повторять мама. Но Ян, кажется, не замечает подвоха.

– Договоримся, я напишу, – он улыбается, и в уголках его глаз собираются мелкие морщинки.

Я выхожу из машины, и ночной воздух обжигает лицо. Где-то вдали кричат совы, а под ногами хрустит гравий. Дом стоит темный и безмолвный – только в окне кухни горит свет, оставленный для меня заботливой рукой домработницы.

Оборачиваюсь, Ян уже развернул машину, его красные задние огни тают в ночи. Не спешу заходить несмотря на то, что дома ни души.

Мысли кружат в голове, как назойливые мухи, и средства от них нет. Встреча с Кариной была неизбежна, я думала, она появится еще вчера, но как же оказалось сложно держать себя в руках при виде нее.

Неожиданно рев мотора ударяет по барабанным перепонкам, заставив сердце бешено забиться. Я узнаю этот звук из тысячи.

Ко двору подъезжает черный мотоцикл, с двумя фигурами. Фары ударяют по глазам, и я выставляю руку. Мотор глушится, и свет тоже гаснет.

– Арина, – звучит голос Макса, когда он спрыгивает с мо-

тоцикла.

Демид, сидя, снимает шлем. Лунный свет скользит по его скулам, играет в мокрых от озера волосах. Он смотрит на меня так, будто хочет что-то сказать, но губы его плотно сжаты.

– Ты уже вернулась, – констатирует Макс. В его голосе читается облегчение – видимо, они искали меня после того, как я сбежала с вечеринки.

Я киваю, не в силах выдать ни слова. Вся ярость, все обиды – все куда-то испаряется, оставив лишь пустоту под ребрами.

– Ян тебя привез? – неожиданно спрашивает Демид. Он произносит это слишком ровно. Слишком спокойно. Как будто ему действительно все равно.

Я пожимаю плечами, делая шаг к двери. Не сейчас. Я не хочу с ним разговаривать...

– Так, я сейчас, схожу за машиной и вынесу тебе, – обращается Макс к Демиду. Видимо, тот оставил сотовый у нас.

Брат скрывается за калиткой, оставив меня и Демида вдвоем. Но я тоже спешу скрыться, молча и без слов.

– Вольская. – Его рука обхватывает мое запястье – горячая, влажная от ночной сырости. От этого прикосновения по спине бегут мурашки.

– Отпусти, – рычу я, глядя куда-то мимо его плеча.

Но он только сильнее сжимает пальцы.

– Ты с Яном... – начинает Демид, но я резко дергаю рукой.

Боже! Он еще смеет, что-то спрашивать!

– Это не твое дело, Егоров.

Его лицо искажается – губы содрогаются, глаза темнеют. На мгновение мне кажется, что он... Нет, не может быть.

– Все, что касается тебя – мое дело, – шипит он, и в голосе звучит та самая сталь, что сводит с ума всех девушек в округе.

– Ты в своем уме? Что за претензии? – спрашиваю, приподняв брови от удивления. Мне даже смешно от всей ситуации.

– Ты – сестра моего лучшего друга, и я переживаю за тебя точно так же, как и Макс, – произносит легко, глядя мне в глаза.

Слова эхом звучат в голове, как напоминания о том, что Демид – не герой моего романа. Нам не быть вместе.

Смотрю несколько секунд на него, а после резко разворачиваюсь и ухожу, оставив его без ответа.

Прямым иду к себе в комнату. Все раздражает.

Только когда оказываюсь в спальне, позволяю себе вздохнуть. Захлопываю дверь с такой силой, что хрустальная ваза на тумбочке звенит. В темноте нащупываю выключатель, но тут же передумываю: этот желтый свет из-под абажура только подчеркнет мое разбитое состояние. Лунный свет, пробивающийся сквозь полупрозрачные шторы, вполне достаточен.

Падаю лицом на кровать. Пальцы сами тянутся к запястью – к тому месту, где его прикосновение оставило невидимый

ожог.

Когда же ты перестанешь разбивать меня на осколки, Демид?

Переворачиваюсь на спину, уставившись в потолок. Сколько ночей я провела, разглядывая его вместо того, чтобы плакать?

«Не плачь, Арина, – учила мать. – Вольские не показывают слабость».

Но сейчас слезы подступают к горлу горячим комом. Сжимаю зубы так сильно, что начинает болеть челюсть. Нет. Я не буду. Не дам ему этой победы.

Но хуже всего осознавать, что где-то глубоко, в самой потаенной части души... Я все еще жду, что он постучит в мою дверь.

Встаю и подхожу к зеркалу во весь рост. В полумраке мое отражение выглядит призрачным – растрепанные волосы, губы, сжатые в тонкую ниточку. Я выгляжу... разбитой.

– Так нельзя, – шепчу себе.

Пора признать то, что я так тщательно скрывала даже от самой себя. Детская влюбленность никуда не исчезла. Я просто заперла ее в самом дальнем чулане души и притворилась, что ключ потерян. Два года избегала любых разговоров о Демиде. Отписалась от него во всех соцсетях. Запретила Соне даже упоминать его имя. Удалила все совместные фотографии.

И ведь все было хорошо... Я справлялась! До тех пор, по-

ка не вернулась домой и не увидела его...такого красивого. Сердце предательски екнуло вчера, но я запретила себе даже думать об этом и продолжала общаться с ним в той же манере, что и раньше.

А перебрасывались колкостями мы всегда. Это моя такая защитная реакция на чувства, и она вошла в привычку.

Резко отворачиваюсь от зеркала и начинаю расхаживать по комнате. Мне нужно что-то делать с этим. Нужен план.

Ян.

Имя всплывает в сознании, как спасательный круг. Ян – симпатичный, взрослый, с ним легко. Он не играет в эти дурацкие игры. Не дразнит, не провоцирует. Смотрит на меня открыто.

«Завтра... может, сходим куда-нибудь?» – вспоминаю свои же слова.

Это могло бы сработать. Переключиться на Яна, может сыграть мне на руку, и я проведу лето, не утопая в слезах из-за Демида, а отлично повеселюсь.

Глава 9.

*«Бег по кругу»
Демид*

Меня заклинило, когда Арина находилась с Яном, а когда села к нему в машину, вообще крышу сорвало. Именно поэтому я выдернул Макса, сказав, что мне срочно нужна машина, которую удачно забыл у них дома.

Я бросаю шлем на диван, и он с глухим стуком отскакивает на пол. Нахуй. Нахуй этот шлем, эту ночь, этот ебучий день.

Гостиная темная и пустая – отец в командировке, как обычно. Я щелкаю выключателем, и люстра заливает комнату белым светом. Слишком ярко. Слишком... нормально. Как будто ничего не происходит.

Я снимаю футболку и швыряю ее в угол. Тело горит, будто влили раскаленный металл в вены. Надо остыть. Душ. Холодный. Ледяной.

Но сначала... сначала виски.

Бутылка «Джек Дэниелс» стоит на полке в баре, нетронутая с прошлого раза. Я наливаю полстакана не разбавляя. Первый глоток обжигает горло, но это хорошо. Это отвлекает.

Второй глоток.

Третий.

Арина.

Черт возьми, за два года она стала только красивее. Раньше можно было отмахиваться – мол, Максимкина сестренка, ребенок. А теперь? Теперь она совершеннолетняя. Теперь каждая ее ухмылка сводит с ума, каждое движение бедрами в танце. Даже то, как она злится, кусая нижнюю губу...

Трясу головой, пытаюсь прогнать образы. Чертова Вольская. Лучше бы осталась в своей Швейцарии.

Это не должно меня волновать. Она – сестра моего лучшего друга. Сестра. Макс мне как брат, а значит, она...

Четвертый глоток.

Но тогда почему, когда я увидел ее с Яном, мне захотелось разбить ему морду? Почему, когда она села в его машину, я выдернул друга под предлогом забытого телефона?

С появлением Арины я творю какую-то дичь. Но стоит ей появиться в поле моего зрения, мозг отказывается сотрудни-

чать со мной и отключается.

Ставлю стакан на стол с грохотом.

«Ты – сестра моего лучшего друга, и я переживаю за тебя точно так же, как и Макс».

Идиот. Идиотский ответ. Она же видела, что я соврал. Видела, как я дрожал от злости. Видела же?

Иду в ванную и включаю воду. Ледяные струи бьют по спине, но не могут смыть образ – ее губы, ее глаза, ее...

Достаточно о ней думать. За последние двадцать четыре часа слишком много Вольской в моей башке.

Стоит подумать о другом. Ведь скоро гонки с Яном. Он думает, что может меня обыграть? Пусть попробует.

Выключаю воду и смотрю в зеркало. Глаза красные.

«Ты – сестра моего лучшего друга», – всплывают в голове мои слова, вопреки всем запретам думать о чем-либо, что связано с Ариной.

Но мы оба знаем, что это ложь.

Вытираюсь полотенцем и падаю на кровать. Телефон валяется рядом – Карина звонила три раза. Позже. Все позже.

Уверен, она хочет сообщить что-то о гонках, но сейчас не хочу с ней разговаривать. Но, наверное, я ей даже благодарен. Она прервала меня, когда я, как придурок, признался Арине, что скучал по ней.

А скучал ли? Или это сейчас я чувствую необходимость находиться рядом после того, как она прилетела?

Встряхиваю головой, отгоняя все мысли из головы. Мо-

жет, Арина права, и я пьяный несу херню. Мне нужен хороший секс, а еще выспаться и протрезветь.

Утро встречает меня ранним подъемом. Голова не болит, а в теле я чувствую бодрость. Решаю отправиться на пробежку, а потом позавтракать и заняться делами.

Мысли об Арине не терзают мою голову, и это радует. Хотя, признаюсь, она снилась мне. И, мать его, что это был за сон... Она там была... идеальной. Такая, какой я никогда не видел ее в жизни. Страстной. Дерзкой. Моей.

Благо я не кончил ото сна, значит, не все потеряно. Но секс мне все же нужен, остается определиться с пассией на одну ночь.

Одеваюсь в спортивную одежду, зашнуровываю кроссовки, включаю музыку, надеваю наушники и выбегаю на улицу.

Уже жарко. Лето не щадит даже утром. Но я, игнорируя погоду, продолжаю бежать. Ноги сами выбивают ритм по ас-

фальту, в такт тяжелому биту, который играет в наушниках. Дыхание ровное, мышцы горят.

Ускоряюсь.

Воздух обжигает легкие, пот стекает по спине, но я не останавливаюсь. Надо выкинуть ненужные мысли из головы.

Музыка гремит, но я все равно слышу собственный пульс – громкий, злой, будто сердце бьется не в груди, а в висках.

Сворачиваю на соседнюю улицу, чуть замедляясь. Глубоко дышу и перехожу на ходьбу. Как я скучал по этому чувству, когда ноги гудят от тренировки. Нужно вернуться к занятиям в зале.

Поднимаю голову и замечаю возле дома Вольских Сонину машину, а спустя секунду из двора выходит Арина с подружкой.

На ней эти чертовы шорты, которые оставляют слишком мало для воображения, и топ, обтягивающий грудь...

Я резко останавливаюсь. Сглатываю вязкую слюну и думаю уже развернуться к чертям собачьим, только бы не пересекаться с ней. Потому что друг в штанах уже в боевой готовности.

Но они садятся в машину, тут же срываясь с места.

Стою, сжимаю кулаки, пока кабриолет Сони скрывается за поворотом. В ушах звенит все еще от бега, а в груди – чертова тяжесть, будто проглотил булыжник.

– Нахуй, – бормочу себе под нос и, развернувшись, бегу в противоположную сторону.

Но сколько ни беги – от себя не убежишь. И этот факт злит еще сильнее.

Глава 10.

*«Бег от самой себя»
Арина*

Проснувшись, я первым делом потянулась за телефоном. Утро размазалось по окну мутным золотом, а в голове – как после бури: обрывки вчерашнего, обжигающие, как осколки. Написала Соне:

Спортзал? Или ты уже
разучилась страдать
по доброй воле?»

Она ответила моментально – смайликом с качающим бицепсом обезьяной и голосовым сообщением, где на фоне слышался звон ключей: «Через сорок минут буду. Готовься к исповеди, Вольская. Я вчера видела, как ты смотрела на Демида. Да-да, именно так – будто он последняя конфета в твоей жизни».

– Вот же подруга... – засмеялась в подушку, но в горле уже защемило.

По пути в зал, она долго и громко высказывалась по поводу Зиминой. А мне хоть и было интересно, что у Демида с Кариной общего, спрашивать я не стала. Решила переключиться, значит, нужно это делать полностью. Два года же как-то жила без информации о его жизни и сейчас справлюсь.

Уже пятнадцать минут кроссовки гулко стучат по полот-

ну дорожки, ритм бега сливается с яростным битом в наушниках. Быстрее. Еще быстрее. Мышцы горят, дыхание сбивается, но я не сбавляю скорость. Может, если бежать достаточно быстро, получится убежать от собственных мыслей?

– Ты что, решила побить мировой рекорд?! – Сонин голос прорывается сквозь мысли, жужжащие в голове.

Я замедляюсь и оборачиваюсь. Она стоит рядом, запыхавшаяся, с бутылкой воды в руке. Ее рыжие волосы собраны в высокий хвост, лицо покраснелось от тренировки.

– Просто... разгоняюсь, – выдыхаю я, вытирая лоб полотенцем.

– Разгоняешься или убегаешь? – Она поднимает бровь и сует мне воду.

Я делаю большой глоток, но жидкость кажется слишком теплой, слишком пресной, чтобы заглушить этот ком в горле.

– От кого мне бежать? – Фыркаю, но знаю, что она видит меня насквозь.

Соня включает свою дорожку на шаг и становится на нее.

– Окей, давай по порядку. Вчера: Демид. Танцы. Его руки на тебе. Его: «Я скучал». Сегодня: Ян. Твое предложение увидеться. Твое: «Почему бы и нет». – Она считает на пальцах, будто раскладывает улики. – Что-то тут нечисто, Вольская.

Я резко нажимаю кнопку увеличения скорости. Дорожка снова набирает ход, и я бегу, бегу, будто за мной гонится не Соня с вопросами, а Демид – с этими проклятыми серыми

глазами, которые до сих пор обжигают кожу.

– Мне надоело, – выдыхаю я, но голос дрожит. – Надоело чувствовать себя идиоткой каждый раз, когда он рядом.

– А Ян?

– Ян... – Я замедляю шаг, вдруг осознавая, что уже задыхаюсь. – Он нормальный. Не дразнит, не играет в эти дурацкие игры. Может, с ним... проще.

Соня хмыкает и переключает свою дорожку на бег, догоняя мой темп:

– То есть план такой: взять и переключиться? Как кнопку в голове нажал – и все, никаких Демидов?

– Да! – я бросаю ей вызов взглядом. – Именно так.

– Бред. – Она качает головой. – Ты не холодильник, Арина. Нельзя просто разморозиться для одного и заморозиться для другого.

Я резко останавливаю дорожку и спрыгиваю, схватив полотенце.

– А что мне делать, Сонь?! – Голос звучит резче, чем я планировала. Я озираюсь по сторонам, но вроде, всем по барабану на нас и продолжаю говорить намного тише. – Ждать, пока Демид, наконец, решит, что я ему интересна? Макс не одобрит. Да и я в скором времени улечу обратно. А Ян... С ним можно хорошо провести время.

– Может, ты и права, жизнь одна, кайфуй. Я за тебя в любом случае, – подмигивает мне Соня и переводит взгляд за меня.

Я резко оборачиваюсь, следуя за Сонькиным взглядом, и... обалдеваю.

У стойки с гантелями стоит бог спортивного зала – высокий, с плечами, которые явно не поместились бы в стандартную дверь. Его черная майка обтягивает каждый рельеф пресса, а капли пота медленно стекают по шее... вниз, туда, куда мне вдруг дико захотелось проследить взглядом.

– Ого, – шепчет Соня, и в ее голосе впервые за сегодня нет иронии.

Парень поворачивается, и я вижу его лицо – скулы, будто выточенные резцом, темные брови и... зеленые глаза. Необычные, яркие, как изумруд на солнце.

– Ты видела этот взгляд? – Соня внезапно хватается меня за руку.

– Вижу, – усмехаюсь я. – И вижу, как ты смотришь. Прямо как кот на сметану.

Она не отрицает. Наоборот – поднимает подбородок:

– А что? Он же чертовски сексуальный.

– О-о-о, подруга, ты подвисла.

– Так, ладно, пошли поплаваем, а потом домой. – Встряхивает она головой и отводит взгляд.

Ян

Пойдем в бар?
Посидим, поболтаем,
ты не против?

Перечитываю сообщение, а в голове перебираю вещи из своего гардероба. Оденусь просто, без фанатизма.

Вытаскиваю футболку оверсайз, серого цвета, с ярким принтом Микки-Мауса, джинсы клеш от колена и кроссовки белого цвета.

Ян

Заеду в восемь.

Не против.

Смотрю на время: 19:15, беру полотенце и иду в душ. Не буду терять время и заставляю Яна ждать.

Под горячими струями стою недолго. Мыслей никаких нет, как и волнения. Ян внушает какое-то доверие и располагает к себе.

Вылезаю из душа, обматываюсь полотенцем, выхожу в комнату, и меня сразу привлекает горящий экран телефона.

Сообщение от Новиковой.

Сонька

Ну что, готовишься к свиданке? 🐱

Усмехаюсь, но отвечаю, не задумываясь:

Сонька

Ага, конечно. Белье красивое выбери. Пусть уже случится этот долгожданный момент. 😊».

Это не свидание. Просто дружеская встреча. 😊

Вот же дурочка, но настроение поднимает отлично. Прогноировав ее наставления, надеваю обычный черный комплект.

Дальше сборы проходят без лишних мыслей. Сушу волосы, оставляю их распущенными. На ресницы наношу тушь, на губы немного блеска.

Спускаюсь на первый этаж и застаю Макса в гостиной. Он снова за ноутбуком, но, услышав меня, откладывает его в сторону.

– Куда собралась? – оглядывает меня с ног до головы и улыбается. – Соня тебя снова куда-то тащит?

– Нет, – немного мнусь, не знаю, как сказать про Яна. Ведь они друзья, и я понятия не имею, как отреагирует брат. – Мы с Яном решили в бар сходить, – говорю все-таки прямо.

– С Яном? – хмурит брови Максим, и я уже думаю, что будут нотации. – Ладно, – задумчиво произносит, – передавай ему привет.

– Хорошо, – тихо выдыхаю, – вернусь не поздно, – подхожу к нему, целую в щеку и выхожу во двор.

Вечер свежий, после дождя пахнет травой и влажным асфальтом. Так хорошо дышится... очень легко.

Смотрю на время 20:05 и выхожу за двор, думая, что Ян еще не приехал. Но нет. Он стоит около машины, в темных джинсах и простой белой рубашке с закатанными рукавами. Его татуировки – те самые цифры и крылья – выглядывают из-под ткани.

Заметив меня, губы растягиваются в улыбке, а глаза загораются. Да я и сама улыбаюсь в ответ.

– Привет. – Он подходит ко мне и неожиданно целует в

щеку.

На несколько секунд я даже впадаю в ступор, когда мы стали настолько близки? Но отгоняю мысли и быстро беру себя в руки.

– Готова? – спрашивает, а я молча киваю.

Ян открывает мне дверь, а после садится сам за руль. Он ведет себя как джентльмен, что, конечно же, подкупает.

Машина плавно выезжает на ночную дорогу. Первые минуты едем в тишине – я нервно перебираю складки своей футболки, Ян сосредоточенно смотрит на дорогу. Но вот он включает радио, и под первые аккорды знакомой песни напряжение как рукой снимает.

– Были с Соней в зале, и, я думаю, нанять тренера, чтобы поставил мне удар. Знаешь ли, всякие придурки ходят рядом, а я оп-па и готова дать отпор. – Не сдерживаюсь и смеюсь, а Ян подхватывает.

– Я могу тебя потренировать, – неожиданно предлагает, на что я без раздумий отвечаю.

– О, давай, – говорю, а потом думаю. Конечно, так всегда.

– Тогда договоримся о персональных тренировках. – Припарковавшись возле местного бара, который находится у нас в коттеджном поселке, Ян поворачивается ко мне и подмигивает.

– Кстати, – наклоняюсь к нему, указывая на руль, – ты же не будешь пить? Я не готова сегодня разбираться с пьяным водителем.

Ян поворачивается ко мне всем корпусом, его ремень безопасности натягивается с характерным скрипом.

– Посмотрим по обстановке, – ухмыляется, демонстративно доставая телефон. – В крайнем случае вызову трезвого водителя. Пять минут – и он тут как тут.

С этими словами Ян резко выходит из машины, дверь захлопывается с глухим стуком. Через мгновение его рука уже тянется к моей двери – открывает с театральным поклоном.

– Милости просим, мадемуазель. – Играет он, и я не могу сдерживать смех.

У входа сталкиваемся с компанией знакомых. Их взгляды буквально прилипают к нам. Одна девушка даже роняет сигарету – пепел рассыпается по тротуару, как маленький фейерверк.

– Не думал, что поход с тобой сюда вызовет столько интереса, – шепчет Ян на ухо, когда мы заходим в помещение. Его горячее дыхание щекочет кожу, а рука, неожиданно, ложится на поясницу, подталкивая вперед.

– Я сама в шоке, – хихикаю, прикрывая рот ладонью.

Переступаем порог бара – и тут мое хорошее настроение разбивается вдребезги. Прямо перед нами, как грозное предупреждение, восседает Демид. Его массивная фигура буквально нависает над столиком, рядом пристроилась Тина – бывшая однокурсница, с вызывающе глубоким декольте. Напротив – Сашка, одnogруппник, с какой-то девушкой.

– Черт, – ругаюсь, что не уходит от внимания Яна.

– Хочешь, поедem в другое место? – предлагает он, заметив мое напряжение.

Я разворачиваюсь к нему и, пока нас не заметили, киваю. Уйти в другое место будет правильным решением, тем более Ян с Демидом в напряженных отношениях.

Но не успеваю сделать ни шагу, как меня окликают:

– Арина? Вольская! Какая встреча! – громовой голос Сашки раскатывается по всему бару.

Не успеваю моргнуть, как меня грубо разворачивают на сто восемьдесят градусов, и в следующее мгновение я уже болтаюсь в воздухе, стиснутая в медвежьих объятиях.

Глава 11.

*« Искры за столом »
Дрина*

Сашка ставит меня на пол так резко, что я едва не спотыкаюсь о барный стул. Его широкое лицо расплывается в улыбке, а глаза блестят от выпитого.

– Ну наконец-то! Два года тебя не видели, а теперь ты тут как тут! – Он хлопает меня по плечу так, что я чуть не падаю вперед.

Ян мгновенно подставляет руку, чтобы поддержать меня. Его пальцы сжимают мой локоть – твердо, но нежно.

– Привет, Саш, – отвечаю, стараясь улыбаться.

Но мой взгляд сам собой скользит за его спину – туда,

где Демид сидит, откинувшись на спинку стула. Его серые глаза – холодные, как лезвие ножа, – медленно скользят по мне, от макушки до кроссовок, и я чувствую, как по спине пробегают мурашки. Но тут же злюсь на себя за эту реакцию.

– Присоединяйтесь! – Сашка размахивает рукой, указывая на свободные стулья. – Места хватит всем!

Ян смотрит на меня, брови слегка приподняты – вопрос без слов. Я едва заметно киваю. Бежать сейчас – значит признать поражение.

– Конечно, – говорит Ян, и его голос звучит непринужденно.

Мы подходим к столу. Демид не шевелится, только его пальцы медленно постукивают по краю бокала. Тина, заметив мой взгляд, улыбается слаще сахара и прижимается к нему так близко, что ее грудь буквально давит ему в плечо. Он не отстраняется – наоборот, его рука скользит по ее талии, задерживаясь на бедре.

– Арина, ты помнишь Таню? – Сашка указывает на девушку рядом с собой.

– Конечно, – лгу я, потому что не помню.

Садиться приходится напротив Демиды. Ян отодвигает для меня стул, и я чувствую, как его рука на секунду задерживается на моей спине. Демид замечает это – его пальцы сжимают Тину чуть сильнее, и она хихикает, запрокидывая голову.

– Так, что будете пить? – Сашка уже машет официанту.

– Мохито, пожалуйста, – говорю я.

– Виски, – бросает Ян.

– Демид, тебе долить? – Тина берет бутылку со стола, но он перехватывает ее.

– Я сам.

Ее лицо на секунду теряет слащавое выражение, но она быстро берет себя в руки.

– Ну так, рассказывай, как Швейцария? – Сашка наваливается на стол, отчего стаканы дребезжат.

Я пожимаю плечами и, по правде говоря, уже устала от этого вопроса. Готова написать на плакате «В Швейцарии жить можно» и повесить себе на шею.

– Нормально, жить можно. Но много строгих правил.

– А ты их, конечно, соблюдала, – вставляет Демид. Он отпускает Тину, но тут же обвиняет рукой ее плечи, пальцы играют с локоном. Голос звучит ровно, но в глазах – тот самый вызов.

– Как минимум лучше, чем ты свои, – парирую, не отводя взгляда.

Стол на секунду затихает. Даже Сашка перестает жевать орешки.

– О-о-о, – протягивает он наконец. – Кажется, я пропустил какую-то серию.

– Ничего ты не пропустил. – Ян неожиданно вступает в разговор. Он берет бокал с мохито, который только что принесли, и ставит передо мной. – Арина просто мастерски от-

вечает на глупые вопросы.

– Ты давно знаешь, какие вопросы ей задавать? – говорит Демид, медленно поворачивая голову в его сторону.

– Демид, – предупреждающе говорю я.

– Что? Я просто интересуюсь. – Он разводит руками, но в его улыбке нет ничего доброго.

– Хватит, – Сашка вдруг хлопает по столу. – Давайте лучше выпьем! За встречу!

Он поднимает бокал, и остальные, нехотя, следуют его примеру. Стаканы звонко сталкиваются, но напряжение не уходит – оно висит в воздухе, как запах перед грозой.

Я делаю глоток, и ледяная мята обжигает горло.

– Ты в порядке? – спрашивает Ян, наклонившись ко мне.

– Все отлично, – шепчу в ответ.

Но это ложь. Потому что через стол Демид целует Тину в шею.

И самое страшное – мне больно.

Но я, стиснув зубы, улыбаюсь всем вокруг. Голоса превращаются в гул, а перед глазами застилает пелена, но не позволю показать свою слабость. Ни за что.

– Я пойду в уборную, а потом можем уехать, – собрав всю волю в кулак, шепчу на ухо Яну, кивая на его нетронутый стакан с виски.

– Договорились. – Он наклоняется непозволительно близко, а рука ложится на спинку моего стула, касаясь плеча.

Поднимаюсь из-за стола и, никому не говоря ни слова, ухожу.

– Арин, подожди, – голос Тины заставляет остановиться. Но я, не поворачиваясь, дожидаясь ее и Таню. – Надеюсь, ты не против нашей компании, – улыбается так мило, что у меня сводит скулы.

– Не против, – отвечаю и продолжаю путь.

В уборной сразу подлетаю к раковине и включаю холодную воду. Нужно охладиться, потому что лицо все горит огнем.

– Как думаешь, затащит тебя Демид в кровать? – Вопрос Тани, адресованный Тине, заставляет меня поперхнуться слюной. На что девочки синхронно поворачиваются ко мне, я пожимаю плечами и продолжаю мыть руки.

– Если он меня не затащит, я сама его схвачу за член и утащу в свою комнату, – хихикает Тина, смачно смазывая губы блеском.

Мне становится плохо от всего сказанного, но девочек совсем не смущает мое присутствие, и они уже обрисовывают позы, в которых будут проводить ночь с парнями.

У меня скручивает желудок. Это отвратительно. И слушать больше я это не намерена. Выключаю кран и молча выхожу из уборной, громко хлопнув дверью.

Быстрыми шагами подхожу к столику, за которым сидят парни. Саша с Яном о чем-то оживленно разговаривают, а Демид делает вид, что ему на все плевать.

Подхожу к Яну и, наклонившись к нему, шепчу:

– Поехали.

Он отвлекается от разговора, переключаясь на меня, и, кивнув, встает с места.

– Приятно было познакомиться, – протягивает он руку Сашке, – но нам пора.

– Да ладно. Может, еще посидим? Вы даже ничего не выпили, да и мы только разговорились, – пытается он уговорить нас, но я остаюсь непреклонной.

– Нам, правда, пора. В следующий раз обязательно посидим подольше, – натянуто улыбаюсь и стараюсь не встречаться взглядом с Демидом.

Но когда он облокачивается на стол, сложив руки, я все же кидаю на него взгляд.

Демид сидит мрачнее тучи, постукивает пальцами по столу. Понять не могу, что его так беспокоит. Мое общение с Яном? С его соперником? Но Максу он ничего не выговаривает, хотя брат с ним вообще работает вместе.

В общем, меня эта ситуация напрягает, и я хочу поскорее выдохнуть спокойно. А еще, оказалось, чертовски невыносимо смотреть на Демида с девушкой.

– Ладно, пока, ребят, – прощается Саша с нами.

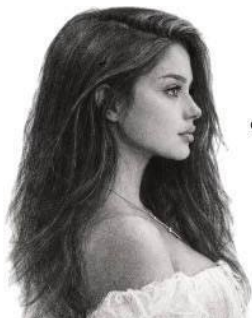
Я быстро киваю всем и разворачиваюсь к выходу. Ян пожимает парням руки, в несколько шагов догоняет меня, и кладет ладонь на поясницу. Это вызывает во мне странные чувства.

– Ты уверена, что хочешь ехать домой? – спрашивает он тихо, когда мы выходим на улицу. Его глаза в свете уличных фонарей кажутся темнее, серьезнее. – Мы могли бы поехать куда-нибудь еще.

– Давай домой, посидим во дворе, поболтаем. Макс, уверена, уже спит.

– Без проблем, – кивает он на машину, снимая ее с сигнализации.

Глава 12.

*«Зеленые флаги и красные
линии»
Арина*

Приезжаем домой. Во дворе тихо, только вода в бассейне чуть колыхается, отражая лунный свет. Оставляю Яна сидеть возле бассейна, а сама иду за горячим чаем.

Пить алкоголь совершенно не хочется. Даже странно, в моей-то ситуации. Я только что видела парня, из-за которого до сих пор екает сердце, с другой.

При Яне держу лицо, но стоит ему отвернуться, и плотина рухнет, выпуская наружу всю боль прошлых лет. Может, поэтому и предложила ему остаться – знаю, что одиночество сейчас для меня – смертельный яд.

Звать Соню уже поздно, да и не хочу ночью исповедоваться и говорить, что Демид все испортил.

Наливаю чай в две кружки, и мои пальцы дрожат так, что кипяток расплескивается на столешницу. Черт, черт, черт! Зачем я вообще пригласила его сюда? Чтобы он видел, как я разваливаюсь на части?

Но когда возвращаюсь к бассейну с подносом, Ян сидит, откинувшись на шезлонг, и его профиль в лунном свете кажется спокойным, почти безмятежным.

– Почему у вас такие отношения с Демидом? – неожиданно спрашивает Ян, когда берет кружку.

Удивленно вскидываю брови. Что ему ответить? Сама не знаю. За годы взаимных колкостей и обид выработался рефлекс – огрызаться, лишь бы не выдать ни капли симпатии.

Молчание затягивается, нужно хоть что-то сказать.

– Мы давно не ладим. – Пожимаю плечами и прячусь за горячей чашкой.

– Вы с самого детства знакомы?

Молча киваю, отпивая чай. Всю жизнь, сколько себя помню...И, по-моему, люблю его ровно столько же.

Так, стоп, Арина. Хватит страдать из-за козла. Он таким всегда был, таким и остался. Ничего не изменилось. Даже моя боль.

Сейчас, наверное, уже кувыркается с Тиной, слушает ее сладостные стоны и шепчет пошлости на ухо.

Фу!

Встряхиваю головой, отгоняя назойливые мысли и яркие картинки, но, выходит, плохо. Я бы сказала, очень плохо. На глаза наворачиваются слезы. Я часто моргаю, чтобы избавиться от влаги с глаз.

– У нас гости. – В дверях появляется Максим, привлекая к себе внимание.

Он без майки, в домашних шортах. Стоит в проеме, потягивается и зевает, прикрывая рот ладонью.

Создается впечатление, будто мы вторглись в его личное пространство, вырвали из объятий Морфея, хотя в доме царит почти могильная тишина, а на кухне я старалась двигаться бесшумно. Впрочем, он бы и не услышал, – его комната на втором этаже, в другом крыле дома.

– Чай будешь? – спрашиваю брата, подсакивая с места.

– Не-а, не хочу, спасибо. – Он подходит сзади, мягко давит мне на плечи, усаживая обратно. – Где были? – спрашивает и садится рядом со мной.

Ян начинает отвечать, а я снова проваливаюсь в воспоминания этого проклятого вечера. Взгляды, касания, губы на шее...

Блять! Нет, я так больше не могу. Это как болезнь, разъедающая душу, и мне срочно нужна вакцина. Но станет ли Ян тем самым спасительным лекарством?

Смотрю на него расслабленного, он о чем-то разговаривает с Максом, я даже не вслушиваюсь, просто наблюдаю за Яном.

Мне не хочется его использовать. Совсем. Он хороший парень и не заслуживает, чтобы с ним плохо поступали. По крайней мере, по отношению ко мне он – воплощение всех «зеленых флагов».

А с другой стороны, может, стоит все же попробовать. Из этого же может что-то получиться.

Твою ж...

– Ладно, ребят, голова что-то разболелась, вы не против, я пойду спать? – поднимаюсь на ноги, держа в руках кружку с остывшим чаем, и смотрю на Яна, ожидая понимания.

– Конечно. – Он улыбается, и мне хочется ответить взаимностью. Но сил практически нет, и, выходит, криво. Ян тоже поднимается и, подойдя ко мне в два шага, заключает в объятия. – Насчет тренировок подумай, – напоминает. – Спокойной ночи. – Он целует меня в щеку, которая вмиг начинает полыхать.

Еще и Максим пристально на нас смотрит. Такое ощущение, что сейчас взорвется от возмущения.

– Спокойной ночи, – отвечаю и, выпутавшись из объятий, быстро сбегаю в дом.

Оказавшись в комнате, даю волю эмоциям. Закрываю дверь на замок и сползаю по ней на пол. А дальше... Дальше меня накрывает волна беззвучной истерики...

Без единого звука. Без стонов. Лишь бездонные реки слез, которые душат меня, и я, чтобы не закричать, кусаю кулак до побелевших костяшек. *Потому что невыносимо больно.*

Потому что он с ней. Потому что я все еще люблю его.
И ненавижу себя за эту слабость.

После часовой истерики, приняв душ, я легла спать. Утром просыпаюсь с ватной головой. Сил нет даже глаза открыть, но я не прекращаю попыток.

Необходимо привести себя в чувство и отправиться в спортзал. Истязать тело до изнеможения, пока мышцы не начнут молить о пощаде, а затем – окунуться в жаркую негу бани и прохладную лазурь бассейна.

Это должно вдохнуть жизнь в уставшее тело и душу.

Остановившись перед зеркалом, я твердо произношу, глядя в собственное отражение:

– Ты должна научиться смотреть ему в глаза с улыбкой победителя! Ты должна научиться быть счастливой, вопреки всему! Хватит тонуть в этом болоте страданий!

С натянутой улыбкой, – и плевать, что я говорила это себе

уже миллион раз, – больше похожей на оскал, я киваю самой себе и, полная решимости, направляюсь в ванную.

Одеваюсь на автомате: спортивный топ, легинсы, кроссовки. Волосы собираю в тугий хвост – так, чтобы ни одна прядь не мешала. В зеркале передо мной уже не разбитая горем девушка, а боец, готовый к схватке.

– Хватит, – шепчу себе. – Хватит.

Тренировка начинается с бега. Беговая дорожка гудит под ногами, ритм шагов сливается с ударами сердца.

– Быстрее! – срывается с губ.

Скорость увеличиваю до предела. Пот заливает глаза, дыхание сбивается, но я бегу. Бегу от мыслей, от боли, от этого проклятого чувства, которое не хочет отпускать.

Потом – силовая. Штанга, гири, подтягивания. Каждое движение – вызов. Каждый подход – попытка доказать себе, что я сильнее. Что мне не нужен он. Что я справлюсь.

– Последний подход, – хриплю, хватаясь за гриф.

Мышцы дрожат, но я поднимаю. Снова. И снова.

Закончив с упражнениями, чувствую, как каждая мышца отзывается в теле. Это приятное, почти сладкое напряжение. Кожа горячая, дыхание еще не успокоилось, но я уже знаю, что дальше – баня и бассейн. Расслабление. Очищение.

Прохожу мимо мужской раздевалки, и в этот момент из нее выходит, мать его, Демид.

Не ожидав подставы, я врезаюсь прямо в его грудь. Черт! Твердая, горячая, мокрая от душа. Его руки мгновенно обвиняют мою талию, предотвращая падение. Я отскакиваю, как ошпаренная, но он не отпускает.

– Аккуратнее, – рычит он, и я поднимаю голову. Его взгляд меняется, когда он узнает меня, с сурового на удивленный. – Арин... – произносит тихо, но продолжает держать меня, чуть сжимая пальцами кожу, – я как раз хотел с тобой поговорить, – проговаривает недовольно и снова хмурится. – Какого хрена ты с Яном разгуливаешь?

От его слов я впадаю в несколько секундный ступор, но потом быстро беру себя в руки.

– Ты охренел, Егоров? – Брыкаюсь, но Демид не собирается меня отпускать. Он, наоборот, прижимает меня к стене.

Внутри все трепещет от такого контакта и его действий, но внешне я всячески сопротивляюсь.

– Не зли меня, Вольская. Хватит разгуливать с этим типом, – рычит, блуждая взглядом по моему лицу.

Его тело горячее, крепкое, жметя ко мне, и от этого соприкосновения внутри все сжимается. Но я не могу ему это показать.

– Ты кем себя возомнил? Совсем крыша поехала? Иди к Тине и ей указывай. – Последние слова вырываются сами собой, демонстрируя всю мою ревность. Идиотка, которой нужно прикусывать вовремя язык.

– Ревнуешь? – Уголки его губ тянутся в довольной улыбке.

– Ты уже спрашивал. Мой ответ не изменился. – Дергаюсь, но снова бесполезно.

Демид молчит, глядя в мои глаза, словно пытается найти там ответ на свой вопрос, а потом взгляд скользит на губы. Он задерживается на них неприлично долго, и я непроизвольно прикусываю нижнюю.

– Успокою твою душеньку. Не было у меня с ней ничего.

– Выдыхает в губы, а после накрывает их своими.

Горячо. Грубо. Без спроса.

Глава 13.

«Запрещенный контакт»
Демид

Я схожу с ума.

Впиваюсь поцелуем настойчиво и без спроса. Ее губы горят на моих, сладкие, как грех. Вторгаюсь языком в рот, сразу кружу. Понятия не имею, что творю, но рядом с Вольской я теряю всякий разум и сейчас поддаюсь желанию.

В баре еле сдерживал себя. Думал, схвачу Арину на руки, закинув на плечо, и увезу домой. Но еле сдержал в себе этот порыв. Потом отец вызвал домой, чтобы я отправил в срочном порядке ему договора по почте, и секс с Тиной обломался. Я тогда вырубился моментально, потому что в баре нажрался как скотина, хватило сил только пару раз клацнуть

по мышке.

Сегодня приехал в зал, чтобы сбросить напряжение, и тут она. Да еще и сама в руки падает, у меня просто отказали тормоза.

Арина медлит, не отталкивает и не отвечает взаимностью. Но то, что еще не вlepила мне пощечину, для меня как зеленый свет.

Я не думаю. Не анализирую. *Просто беру.*

Ее губы мягкие, чуть сладковатые от блеска, который она всегда наносит. Вкус малины. Я впиваюсь в них, как в последний глоток воздуха перед прыжком. Глубоко. Жестко. Без права на отступление.

Она вздрагивает, пальцы на секунду впиваются мне в плечи – то ли чтобы оттолкнуть, то ли чтобы притянуть ближе. Но потом... потом ее тело вспыхивает.

– М-м-м... – стонет прямо мне в рот, и этот звук бьет ниже пояса, заставляя кровь пульсировать в висках.

Ее руки обвивают мою шею, ногти царапают кожу – нежно, но с обещанием боли. Я прижимаю Арину к стене сильнее, чувствую, как грудь вздымается учащенно, как бешено стучит сердце. Из-за меня.

– Ты... пиздец какая охуенная... – рычу между поцелуями, хватая за бедра и приподнимая.

Ноги обвивают мою талию рефлекторно, будто мы делали это тысячу раз. Я чувствую ее – всю. Горячую, упругую, податливую.

Толкаю дверь, которая между женской и мужской раздевалкой, и заваливаюсь с Ариной на руках внутрь. Это оказывается небольшая кладовка. Но так плевать.

– Демид... – шепчет она, отрываясь на секунду, глаза темные, зрачки расширены.

– Заткнись. – Целую снова, перекрывая протест.

Мне плевать, что мы в спортзале. Плевать, что сюда может зайти кто угодно. Я хочу Вольскую.

Ладонь накрывает упругий сосок через лиф купальника, и она резко кусает меня за нижнюю губу.

– Ауч, – вырывается у меня, но это не остановка. Это топливо.

Я отрываюсь, смотрю на Арину – разгоряченную, с пухлыми, покусанными губами, с взглядом, в котором ясно читается ненависть и желание в равной мере.

– Я пиздец как тебя хочу, Ариш. – Тяжело дышу, спускаюсь поцелуями к шее.

Она дрожит. Вся. От злости или от возбуждения – не знаю. Но ее пальцы впиваются мне в волосы, когда я прикусываю нежную кожу, там, где пульсирует венка.

– Заткнись, Егоров, – шепчет, и голос звучит хрипло, с вызовом.

Я не понимаю, что во мне сильнее – ярость или желание. Всю ночь мне снились ее глаза. Когда она увидела меня с Тиной, в них было презрение. Но я знаю Арину – знаю, как она умеет врать себе.

И вот теперь она здесь. В моих руках. Дрожит.

Накрываю снова губы так, будто хочу выжечь изнутри все, что было между нами. Все эти годы глупых ссор, колких слов, ненависти, непонятно откуда взявшейся.

Арина отвечает. *Черт возьми, отвечает.*

Ее губы приоткрываются, язык встречается с моим – горячий, быстрый, злой. Арина кусает меня, царапается, но не отталкивает.

Ненавижу. Ненавижу, что она может так. Ненавижу, что мне это нравится.

Прижимаю Арину к стене, чувствую, как ее тело изгибается, подстраиваясь под меня.

– Демид. – Она отрывается, тяжело дышит, запрокидывая голову наверх.

Я как влюбленный идиот ловлю каждое движение, запоминая, впитывая.

– Отпусти меня, пожалуйста, – просит сбивчиво, словно сама не верит, что говорит.

Да я и сам не верю. Тянусь к губам, чтобы одумалась, забыла о дебильной просьбе, но Арина уворачивается.

– Что не так? – спрашиваю, как последний придурок, держа на руках девушку, на которую уже каменный стояк.

– Отпусти, Дем, – произносит, как мольбу, и я повинуюсь ее просьбе. – Не смей больше так делать! – Тычет в меня указательным пальцем, хмурит брови, а я слабо соображаю, кровь вся отлила в другую головку, которая скоро взорвется.

– И забудь, что тут произошло! – шипит ядовито, и, пока я перевариваю сказанное, Вольская выскальзывает в коридор.

Что, блять, это сейчас было?

Встряхиваю головой и выныриваю следом. Арина убежала недалеко, и я бегу за ней. Рядом оказываюсь быстро, хватаю за руку и разворачиваю к себе.

Пыхчу, как разъяренный бык, и ни хрена не понимаю. То отвечала с той же страстью, то кидается непонятными фразами.

– Егоров! – Снова хмурит брови и дергает рукой.

– Объясни, что это сейчас было. Ты же тоже этого хочешь, Арин.

Выгляжу сейчас как извращенец, сто процентов. Хватаю девушку с выпирающим стояком в шортах.

– Нечего объяснять, Демид. Ошибка случилась. Не забыл, что я – сестра твоего лучшего друга? Вспомни! А то, что было пять минут назад – забудь, – бросается фактами и вырывает руку из хватки.

Я ведь и правда забыл, что Арина – сестра Макса. Вольская уходит, виляя оголенными ягодицами, оставляя меня с ее вкусом на губах и с ее запахом на коже.

И с проклятым вопросом в голове: *«Что, блять, между нами происходит?»*

Глава 14.

*«Разбор полетов»
Арина*

Четыре дня. Мать его. Всего четыре дня с момента прилета, а я уже чувствую себя так, будто меня переехало грузовиком, развернуло и переехало еще раз.

Как я докатилась до того, что язык Демида кружил у меня во рту? Уму непостижимо!

Мечтала ли я об этом? Да, черт возьми, да! Тысячу раз представляла этот момент в самых пошлых фантазиях. Но думала ли, что это случится на самом деле? Нет! Никогда! Особенно не после того, как вчера видела его с Тиной.

Губы до сих пор горят. Я провожу по ним кончиками паль-

цев – опухшие, чувствительные.

Вопрос всплывает в голове сам собой: *как мне теперь в глаза ему смотреть?*

Но страшнее другой вопрос: *как мне на себя смотреть?*

Я предала саму себя. Стоило Егорову прикоснуться, и я растаяла, как дешевое мороженое на солнце.

Быстро одеваюсь, руки дрожат, и я не с первого раза застегиваю лиф. Бассейн? Баня? Да пошло оно все в баню в самом прямом смысле.

Машина находится моментально, и я сбегая из спортзала как ребенок, который нашкодничал и не хочет, чтобы его застучали и поругали.

В такси сжимаю телефон в потных ладонях, смотрю в окно, но не вижу улицы – перед глазами только Демид. Его губы. Его руки. Его дыхание, горячее и прерывистое, прямо у моего уха.

Что, это было? И что это может значить?

Сердце колотится так, будто я только что пробежала марафон. Губы горят, будто обожжены. А внизу живота – мерзкое, предательское тепло, которое не хочет уходить, сколько бы я ни пыталась его задавить.

– Не дует из окна? Комфортно? – Водитель бросает взгляд в зеркало заднего вида.

– Да, – отвечаю автоматически, хотя мне неудобно. Мне неудобно в собственной коже.

Закрываю глаза, но тут же открываю – потому что там, за

веками, снова он. Демид. Его тело, прижатое ко мне, пальцы, впивающиеся в бедра, поцелуй – жесткий, требовательный, без права на отказ.

В голове эхом звучит голос Демида: *«Ты же тоже этого хочешь, Арин».*

Черт возьми, он прав. И это хуже всего.

Я хочу. Хочу так, что трясутся руки. Хочу так, что готова была забыть обо всем в той проклятой кладовке. О том, что он – Демид Егоров. О том, что он – козел, на котором только вчера висела Тина, а позавчера другая. О том, что он – запретная территория, потому что Макс убьет нас обоих, если узнает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.